

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Кинжал и ножны
королей-священников,
стоявших во главе арийского
племени, дают великую
власть над всеми народами
земли. Но кто станет их
владельцем – злодей или
праведник?

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Кинжал всевластия

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Кинжал всевластия

«Автор»

2010

Александрова Н. Н.

Кинжал всевластия / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2010 — (Артефакт & Детектив)

Умирая, шейх Абдалла передал своим сыновьям главную святыню древнего арийского племени – кинжал королей-священников, дающий великую власть над народами земли. Он намеренно разделил клинок и ножны, опасаясь, что огромная сила, таящаяся в соединении этих двух артефактов, станет подвластна случайному человеку. Далее пути наследников шейха разошлись. С тех пор борьба за обладание священным клинком, напоминающим изящный древесный лист, разгорелась не на шутку. В наше время за ним охотится таинственный неизвестный, чью внешность и голос мгновенно забывают после встречи все его собеседники. А тех, кто встает на пути «невидимки», находят мертвыми...

© Александрова Н. Н., 2010

© Автор, 2010

Наталья Александрова

Кинжал всевластия

Степан выпрямился, положил лопатку на сухую кочку, протянул руку к кустику черники. Ягоды были сморщенные, перестоявшие, невзрачные, чудом не осыпавшиеся с куста, но когда он бросил горсточку в рот – рот наполнился удивительной душистой сладостью.

– Не найдем мы сегодня ничего! – проговорил он, жадно сглотив черничный сок. – Надо обратно двигать, а то до темноты на дорогу не выберемся.

– Еще полчаса, – пропыхтел Мишка, вонзая лопатку в черную глинистую почву. – Вот этот окопчик еще проверим... не может быть, чтобы здесь ничего не было!..

– Очень даже может, – недовольно отозвался Степан. – Сам знаешь, сколько народу здесь до нас побывало...

– Не бухти. – Мишка осторожно отбросил пласт земли, копнул еще раз. – Коли уж приехали, надо работать...

– Ох, придется нам снова в лесу ночевать, а ночи сейчас холодные, все же не лето... – протянул Степан, но снова взялся за саперную лопатку.

Он копнул раз, другой, и вдруг лопатка глухо звякнула. Металл наткнулся на металл.

– Видишь, а ты говорил – ничего не найдем! – Мишка повернулся к нему заросшей рожей, довольно ухмыльнулся: – Я же говорил – в этом окопчике непременно что-то должно быть! Подходящий окопчик, соответствующий!

Они с Мишкой уже много лет выбирались по выходным на Синявинские болота, на места бывших кровопролитных боев, и копали, копали, копали...

Как другие любители отправляются в леса области за грибами или за ягодами, на рыбалку или на охоту, так они отправлялись на тайные раскопки.

Таких, как они, называли «черными следопытами». Их гоняла поселковая милиция, иной раз кто-то из «следопытов» подрывался на mine или на гранате, но, несмотря на это, мрачные озабоченные мужики и молодые парни поодиночке или маленькими компаниями тянулись в эти леса.

Земля эта была густо наспигована ржавым железом, оставшимся с Великой Отечественной войны. Прежде, лет двадцать назад, здесь чего только не находили – пулеметы и минометы, ржавые штыки и кортики, боеприпасы, каски, личные вещи... Сейчас, конечно, интересные находки попадались реже, но кое-что все же случалось находить.

– Небось банка из-под пива или еще какая-нибудь ерунда... – проговорил Степан, осторожно орудуя лопаткой.

Но по вспыхнувшему в груди жару, по легкой дрожи рук он понимал уже, что не жестянка из-под пива и не ржавая деталь от чьей-то разбитой «шестерки» попала под его лопату. Это было что-то подлинное, что-то стоящее.

Потихоньку, стараясь не повредить находку, он разгребал землю. Выполз на свет потревоженный дождевой червяк, возмущенно изогнулся и снова ушел в почву. Степан действовал осторожно, внимательно, как хирург, – ведь здесь вполне могла оказаться целая граната или неразорвавшийся снаряд, а тогда неверное движение может стоить ему жизни или увечья...

Он копнул еще раз, другой, и из-под осыпавшейся земли показался краешек широкого лезвия.

– Кажется, кортик! – проговорил у него за спиной Мишка.

Оказывается, он уже давно перестал копать и теперь следил за тем, как Степан освобождает от земли свою находку.

– Точно, кортик! – повторил он, отряхивая колени от налипшей земли и желтых сосновых игл. – Штандартен нам за него сотку баксов отвалит, как пить дать!

– Ничего не кортик! – отозвался Степан с удивившим его самого раздражением. – Кортик длиннее и уже...

– Тогда штык-нож? – усомнился приятель. – За него меньше дадут... да нет, не похоже!

Степан и сам уже видел, что его находка не похожа ни на офицерский кортик, ни на простецкий солдатский штык. Появившееся из-под земли лезвие было очень красивой формы – широкое, плавно сужающееся к острию, с узкой прожилкой посередине, оно напоминало древесный лист. И еще – оно удивительно хорошо сохранилось, его почти не коснулась ржавчина...

Степан еще раз отбросил землю, и перед ним предстала ладная изящная рукоять, покрытая тонкими узорами. В середине отчетливо просматривалась свастика, а от нее разбежались странные значки, каких ему прежде не встречалось.

– Немецкий! – уважительно произнес Мишка и потянулся к ножу. – Эсэсовский, не иначе!

– Не лапай! – выпалил Степан и обхватил рукоять заскорузлыми пальцами.

Рукоять легла в ладонь так хорошо, так привычно, как будто ей там было самое место.

– Что значит – не лапай? – обиженно протянул Михаил. – У нас с тобой как договорено? Все, что нашли, – пополам!

– Пополам, пополам! – Степан закусил губу, чтобы сдержать неожиданно нахлынувшую злость.

Почему, собственно, он должен делить с кем-то свою находку? Ведь это он нашел кинжал, значит, он – его законный хозяин... ну, почти законный! Да и как можно одну вещь разделить на двоих?

Мишка как будто прочитал его мысли.

– Хороший ножик! – проговорил он суетливо. – Я таких и не видал никогда! Штандартен за него не меньше трехсот баксов отстегнет! По полтора ста на брата – клево!

– Ножик! – передразнил его Степан, и непонятная ярость разлилась в груди.

В этом – весь Мишка. Ему бы только продать каждую находку да пропить деньги. Или потратить на какую-нибудь ерунду. Конечно, Степан тоже от денег не отказывался, но и сами вещи, больше полувека пролежавшие в земле, заставляли взволнованно биться его сердце.

Ну, может, не все, но этот кинжал заставил. Он словно звал Степана, манил его. Он, этот кинжал, хотел найти нового хозяина, и Степан отлично подходил на эту роль...

– Ножик! – зло повторил он. – Тебе лишь бы продать! Ты все готов продать, мать родную продашь, если хорошо заплатят!

– Ты мою мать не трожь! – набылся Михаил, но тут же удивленно спросил: – Ты чего, Степ? Сдурел, что ли? Ведь мы с тобой сколько лет вместе копаем... всегда все по-честному, поровну... никогда не собачились... Ты чего?

– Да я ничего... – опомнился Степан, поднимаясь на ноги. – Ну, пора идти, а то и правда до темноты не выйдем!..

– Клади сюда этот... кинжал. – Мишка дернул завязки мешка, где лежали сегодняшние находки – помятая фляга со свастикой, позеленевшая пряжка от ремня, стальной портсигар с гравировкой «1942» и эмблема войск СС – две молнии на темном фоне.

– Ну уж нет! – огрызнулся Степан, волком глянул на давнего приятеля и сунул кинжал за пазуху.

– Степ, да что с тобой? – Мишка посмотрел на него удивленно, покачал головой. – Устал ты, видно!..

Он закинул мешок на плечо, повернулся спиной к другу и зашагал по тропинке, пере-скакивая с кочки на кочку и обходя тускло блещущие оконца воды.

Степан шел за ним, и в душе его снова поднималось непонятное глухое раздражение. Он смотрел на стриженный затылок Михаила, на его красную обветренную шею, и в голове ворочались тяжелые, темные мысли, как валуны в быстрой горной реке.

Кинжал... нельзя его продавать. И отдавать никому нельзя. Этот кинжал лежал здесь шестьдесят с лишним лет, дожидаясь его, именно его, Степана. Это его вещь, его оружие. С ним его жизнь пойдет по-другому, и сам он станет совершенно другим человеком – сильным, смелым, значительным.

Почему-то ему привиделся скалистый утес, возвышающийся над бурным северным морем, а вверх, над утесом, – парящий в сумрачном небе белый орел...

Ему приходилось прежде находить оружие – пистолеты, гранаты, винтовки. Чаще – истлевшие, заржавленные, ни к чему не пригодные, но иногда, случалось, – и вполне сохранившиеся, боеспособные. Еще чаще попадались штыки и офицерские кортики. Но к тем находкам он относился совершенно спокойно, они не задевали его души, и Степан с легким сердцем продавал их Штандартену или другим скупщикам. Но с этим кинжалом дело обстояло совсем по-другому...

Нет, его никак нельзя продавать.

Конечно, Мишка будет недоволен, но кто его слушает? Ишь, как припустил – и не оглянется, не думает про друга...

И вообще – какой он друг? Так, попутчик... ему лишь бы побольше барахла накопить да продать подороже. Как только таких земля носит?

Степан сунул руку за пазуху – прикоснуться к рукоятке кинжала, погладить ее... Рукоятка неожиданно ловко легла в ладонь, пальцы обхватили ее, сжались...

Степан прибавил шаг, догоняя приятеля. Теперь он шел мягко, пружинисто и даже затаил дыхание, так что Мишка услышал его, только когда их разделял один шаг. Он удивленно оглянулся, округлил глаза, раскрыл рот и выдохнул:

– Ты что, Степ?

Степан резко выбросил руку вперед, взмахнул, всаживая лезвие кинжала за левое ухо приятеля.

Михаил вскрикнул коротко и мучительно, ноги его подогнулись, он упал на колени, неловко попытался подняться, но глаза помутнели, покрывшись смертной пленкой, и он тяжело повалился лицом в болотную жижу.

– Вот так... – проговорил Степан, отступая и не сводя глаз с мертвого тела. – Вот так...

Руки его дрожали, но рукоятка кинжала была по-прежнему крепко сжата в правой. Степан наклонился, вытер лезвие о мох. На зеленом остались темно-красные капли. Приглядевшись, Степан понял, что это вовсе не кровь, а спелые ягоды брусники. Он собрал их свободной рукой, жадно затолкал в рот, разжевал. На этот раз вкус совершенно не чувствовался – как будто жуешь мокрую бумагу.

В голове тяжело бухало, перед глазами плыли красные круги. Он дышал тяжело и шумно, как будто пробежал километр с полной выкладкой или разгрузил «КамАЗ» кирпича.

«Что же я сделал?» – подумал он удивленно, растерянно, но тут же почувствовал приятный холод металла в руке и сразу успокоился. Он сделал все правильно, сделал то, что надо. Теперь только осталось довести сделанное до конца.

Степан подхватил мертвое тело под мышки, поволок его по кочкам к большому окну темной воды, обрамленному блеклой болотной травой. Михаил сделался каким-то невероятно тяжелым, Степан пыхтел и напрягался. Труп зацепился за торчащий из земли корень, перевалился на спину.

Степан увидел широко открытые глаза друга и невольно отшатнулся, как от удара.

– Что я сделал! – прошептал он в ужасе, но снова перед глазами его возник мрачный утес на берегу бурного моря...

Степан сжал зубы, подтащил тело к краю болотного озерца, толкнул его в темную, мутную воду.

Вода глухо булькнула, по ее поверхности побежали неясные круги, и снова все затихло.

Катя проснулась от тревожного, тоскливого завывания машины «Скорой помощи» за окном. Рядом находится больница, наверное, опять какого-нибудь бедолагу везут в реанимацию. Спасут ли?.. Скорее всего, нет. А впрочем, на все божья воля, как говорит их библиотечная уборщица баба Зина.

Вой затих, Катя полежала немного, засыпая, и вот, когда побежали уже перед закрытыми глазами разноцветные узоры, как в детском калейдоскопе, и она задышала ровнее, в ушах раздался резкий крик, полный муки. Крик был такой явный, как будто человека мучили рядом, в соседней комнате. И такой ужасный, словно того, кто издавал этот крик, убивали, пытали, рвали на части.

Катя рывком села на кровати и прижала руки к колотившемуся сердцу. В комнате было тихо, только едва слышно тикал будильник. Сквозь щель в занавеске пробивался неверный свет уличных фонарей. По стене пробежали отсветы фар редких машин.

Катя вытерла рукой испарину со лба. Сердце никак не хотело успокаиваться. Она ни минуты не сомневалась, что крик послышался ей во сне – невозможно представить, что человек может слышать такое наяву и не сойти с ума от ужаса.

И тут она услышала тихий, но очень явственный звук, словно кто-то коготками скребется в деревянную дверь.

Звуки раздавались совсем рядом, в этой же комнате, в нескольких шагах от ее кровати... Неужели у нее завелись мыши?

Катя спустила ноги на пол, встала, шагнула вперед, взглядела в темноту.

Подозрительные звуки доносились с той стороны, где стоял старый тяжеловесный комод. Один из ящиков комода чуть заметно шевельнулся, как будто невидимая рука попробовала его выдвинуть.

Катя крадучись, задерживая дыхание, приблизилась к комоду.

Звуки стали заметнее, слышнее. В ящике комода что-то шевелилось, стучалось, просилось наружу...

Что-то или кто-то.

Ящик скрипнул и начал медленно выдвигаться, как будто то, что пряталось в нем, пыталось выбраться наружу.

Катя зажала рот рукой, чтобы не закричать от охватившего ее невыразимого ужаса...

И на этот раз действительно проснулась.

Сердце колотилось, влажные простыни сбились в комок, на лбу выступили капли пота.

Катя встала и на дрожащих ногах подошла к окну. Свежий ночной воздух свободно пробивался в раскрытую форточку, стало быть, кошмар приснился вовсе не от духоты. Она постояла немного возле окна, обхватив себя за плечи и глядя сверху на темные, взволнованно колышущиеся деревья, не успевшие еще потерять листву, на блестящую от мелкого дождя мостовую, на огромное здание больницы, где окна не гасли даже глубокой ночью.

Все было как всегда – безлюдная улица, тишина в ее квартире, уютное тиканье будильника. И одиночество. Уж одиночество-то точно никуда не денется!

Из форточки явственно тянуло холодом, Катя вздрогнула и отошла от окна. Хорошо бы сейчас выпить чаю. Рубиново-красного от крепости, и чтобы рядом с чашкой на блюдечке лежали мелко наколотый сахар и ломтики лимона. Мама любила так пить чай и ее приучила.

Катя зажмурила глаза, чтобы удержать привычно подступившие слезы. Мама умерла полтора года назад, и Катя до сих пор не может смириться с утратой. Днем боль немного отсту-

пает, Катя отвлекается на работу, на повседневные дела, но вот ночью... Впрочем, в последнее время она думает о маме гораздо меньше.

Потому что появился человек, который завладел мыслями и прочно утвердился в душе и сердце, изменил саму ее жизнь.

Катя неслышно усмехнулась в темноте. Даже сама с собой она не может говорить в простоте, все выбирает какие-то выражения из классических романов. Конечно, что с нее взять – библиотекарьша, книжный червь, насквозь пропиталась запахом вековой книжной пыли. От нормальных женщин духами пахнет, а от нее – старой бумагой, ей бы с мышами дружить...

Катя скривила губы, представив себе человека, который в свое время говорил ей такие слова. Не говорил – кричал. Бросал эти фразы ей в лицо, выплевывал их, брызгая слюной и тяжело сопя, надвигаясь на нее крупным, тяжелым, налитым телом. Катя почувствовала воочию запах крепкого мужского пота, от которого ее мутило, увидела красное от злости лицо и выпученные глаза.

Это было... дай бог памяти... больше пяти лет назад. Именно тогда состоялось у них последнее, если можно так выразиться, объяснение с Игорьком – ее будущим мужем. Будущий сразу перескочил в бывшие, так и не побывав настоящим. И как же Катя сейчас этому рада!

Они всегда жили с мамой только вдвоем, отца у Кати не было. И бабушек-дедушек тоже. Мама родила Катю поздно, ей подходило уже к сороковнику, бабушки к тому времени не осталось в живых, а вся дальняя родня отвернулась от нее, чтобы она не повесила им на шею своего ребенка. Прямо они так не говорили, но дали понять, так что мама сама из гордости прервала с родней все отношения.

Они жили вдвоем – очень скромно и уединенно. Мама воспитывала Катю на примерах классической русской литературы, а как же иначе, если она всю жизнь эту самую литературу преподавала в средней школе!

«Запомни, Катюша, – твердила мама с тех самых пор, как в пятилетнем возрасте дочка научилась читать, – у классиков ты найдешь ответы на все вопросы. Надо только внимательно читать романы и прочувствовать каждое произведение!»

И Катя послушно читала, она вообще росла тихой, прилежной и умненькой девочкой. До тринадцати лет носила две аккуратные косички, в то время как девчонки устраивали на головах форменное безобразие, как говорила мама, красили волосы во все цвета радуги, наводили под глазами зеленые тени, как у покойника (опять-таки по образному выражению мамы), и одевались вызывающе ярко и безвкусно. Кате никогда не приходило в голову перечить маме, хотя иногда, глядя на себя в зеркало, она чувствовала, что ей сильно не нравится собственный вид – эти гладко зачесанные волосы, белесые брови, невыразительные глаза, близоруко моргающие без очков.

«Разрастешься! – уверенно говорила соседка по площадке тетя Рая, встречая Катю по утрам. – В таком возрасте все девчонки гадкими утятами кажутся!»

Лет в четырнадцать перед праздничной дискотекой Катя решила отдаться в руки подружек. У нее не хватило времени рассмотреть то, что получилось, а на дискотеке все вылетело из головы. И когда она явилась домой поздним вечером, было море по колено, потому что девчонки выпили две бутылки дешевого вина на всех. Предлагали еще покурить травку, но у Кати хватило ума отказаться.

Мама открыла дверь сразу же, как только Катя вышла из лифта. Увидев ее на пороге, мама схватилась за сердце и покачнулась. В глазах ее отразилась такая боль, что у Кати мигом выветрился весь хмель из головы и пропал кураж. Мама долго плакала, качая головой и не говоря ни слова, потом вдруг задышала тяжело, со всхлипом, и стала заваливаться набок. Испуганная Катя помчалась к соседке, подняла ту среди ночи. Вызвали «Скорую», маму увезли в

больницу с сердечным приступом. И все соседи дружно осудили Катю – вот как деточки-то нас доводят, в гроб уложат и не заметят, назавтра на дискотеку побегут!

И даже тетя Рая, встретившись утром, укоризненно покачала головой. Но ничего не сказала.

Маму выписали, с тех пор Катя еще больше притихла. Она честно пыталась найти ответы на свои многочисленные вопросы у классиков. Но ни Анна Каренина, ни Наташа Ростова не могли подсказать, как сделать глаза большими и блестящими, волосы – густыми и пышными и где достать денег если не на шикарный норковый полушубок, то хотя бы на новую куртку.

Окончив школу, Катя поступила в библиотечный институт. Мама советовала поступать в педагогический, но Катя сумела настоять на своем. Нельзя сказать, что она мечтала стать библиотекарем, просто очень уж не хотелось идти по маминым стопам – вечно сорванный голос, горы тетрадей по вечерам, педсовет допоздна, сплетни, свары и бесконечные жалобы родителей.

Однако Катя любила книги. И не только сам процесс чтения. Кате нравилось брать книгу в руки, открывать ее, гладить переплет. Больше всего привлекали ее старые, особенно дореволюционные книги, перелистывая их пожелтевшие страницы, она невольно задумывалась, кто скользил глазами по этим строчкам, какой это был человек, о чем он думал, читая, как представлял себе героев...

Годы шли, и соседка тетя Рая, встречаясь на лестнице, перестала с уверенностью говорить, что Катя разрастется и с внешностью все станет в порядке. Мама говорила, что главное – духовная красота, и Катя решила не задумываться. Было некогда, нужно было учиться и еще подрабатывать, чтобы свести концы с концами.

Дни проходили быстро – похожие один на другой, заполненные работой и борьбой за выживание. Мама стала болеть, по ее словам, школа высосала из нее все соки.

Катя вечно была занята – то работой, то хозяйством, то писала за кого-то сочинения, то чертила, то решала математические задачи за восьмой класс. Никаких особых мужского пола вездесущие соседки заметить возле нее не могли, как ни старались. И то сказать, где их взять-то? В библиотечном институте учились одни девчонки, в библиотеку ходили одни старики.

В зеркале отражалась серая мышка с жидкими волосами сивого цвета. Глаза смотрели испуганно и виновато из-под коротких белесых ресниц. Откровенно говоря, Кате очень не нравилась эта бледная моль, отражающаяся в зеркале. Но сил и времени, чтобы что-то изменить, у нее не было.

Мама вышла на пенсию и сидела дома – из-за больного сердца не могла работать, а зимой вообще задыхалась на морозе. Теперь требовалось еще каждый день делать во всей квартире влажную уборку, так как от любой пылинки мама начинала кашлять. Так что любоваться на себя в зеркало девушке было некогда, и ночами ее не успевали посещать грустные мысли. Мол, молодость проходит, вот уже дело к тридцати, а все женская судьба не устроена – не то что мужа нету, а и вообще ни один мужчина не обратил на нее внимания. Про такое Катя не думала – падала камнем в постель и засыпала, не успев донести голову до подушки.

Однажды Катя, вернувшись домой из своей библиотеки, застала дома гостя. Это оказался какой-то мамин не то двоюродный, не то троюродный брат – здоровенный громкоголосый дядька, лохматый и бородатый. Он пил чай с мамой на кухне. На столе стояли принесенная им же бутылка коньяку и огромная коробка шоколадных конфет. Мама, непривычно оживленная, ласково смотрела на гостя.

Дядька смачно расцеловал Катю в губы, повертел, рассматривая, и удачно скрыл разочарование при виде такой неказистой племянницы. А может, не обратил на нее особого внимания. Выяснилось, что дядька был изыскателем и до сих пор ездил в геологические партии куда-то в Сибирь.

Катя выпила с ним коньяку, а потом долго слушала дядькины походные байки. Еще он рассказывал анекдоты и сам же первый над ними смеялся. Он порывался петь и все жалел, что нет в их доме никакой завалящей гитары.

Было поздно, гостя оставляли ночевать, но он объяснил, что у него в четыре утра самолет на Иркутск. И уже перед самым уходом, понурившись, признался маме тихонько, что окончательно разбежался с женой, потому что дети взрослые, и он ей стал не нужен – такой неприка-
янный, вечно в разъездах, дома нету, семьи нормальной нету...

Кате дядька понравился с первого взгляда – веселый, сильный, надежный... Хорошо, наверное, с таким в тайге – не бросит в трудную минуту, поможет, на себе вытащит, последнее отдаст... Сразу видно, что человек хороший... Ну да ладно, они сами разберутся.

Дядька подхватил тяжелый абалаковский рюкзак и указал Кате на небольшой потертый чемодан.

– Там вещи кое-какие для меня ценные, – сказал тихо, – спрячь куда-нибудь, я после заберу. Все, что нажил... – он криво усмехнулся, и Кате стало его ужасно жалко.

Но дядька тут же взбодрился, поднял ее в воздух и снова смачно расцеловал в губы.

– Не дрейфь, Катюха, прорвемся!

И исчез из их с мамой жизни навсегда.

Катя сунула дядькин чемодан в кладовку, и года два он ей жутко мешал. Как-то зимой мама кашляла особенно тяжело, Кате было страшно и очень трудно, она перенесла грипп на ногах, безумно уставала и на работе, и в общественном транспорте, и жизнь казалась беспросветной. Ей хотелось просто поговорить с близким человеком, услышать дядькин громкий смех, почувствовать на плечах его сильные руки. Она нашла в старой телефонной книжке номер и как-то вечером, когда мама смотрела по телевизору концерт «Песни прошлых лет», позвонила в ту старую квартиру, где много лет жил дядька с женой и детьми.

Холодный женский голос ответил по телефону, что Чиркова Владимира Михайловича к телефону позвать никак не может, он давно здесь не живет. А на Катин настойчивый вопрос, где его найти, женщина ответила со смешком, что на кладбище. Конкретный адрес она не назовет, потому что ее бывшего мужа зарезали уголовники в далекой сибирской тайге два года назад. Что-то там они не поделили, а он, как начальник партии, вздумал их разнимать. Вот и получил. Такой вот итог жизни.

Не дождавшись от оглушенной известием Кати никаких комментариев, женщина повесила трубку.

После концерта мама посмотрела еще свой любимый сериал, так что Катя смогла справиться с подступившими эмоциями. Мама даже не заметила следов слез, Катя успела умыться и запихнуть на антресоли дядькин чемодан. Он был маленький, но очень тяжелый, Катя упрямилась с трудом. Мысль заглянуть в чемодан не пришла ей в голову, как и то, что следовало бы сообщить о чемодане наследникам. Уж очень не понравился Кате смешок в голосе бывшей дядькиной жены, когда она сообщала Кате, что ее мужа зарезали в далекой тайге. Все же можно было бы сохранить какие-то чувства к человеку, с которым прожили много лет. А если уж не сохранила, то не показывать это так явно.

Соседка по площадке тетя Рая утверждала, что самая бесполезная вещь в квартире – антресоли. В самом деле: запихнуть туда что-то можно лишь с большим трудом, а достать и того хуже. Стало быть, засовывают люди туда вещи, которыми не собираются пользоваться в ближайшее время. То есть вещи ненужные, из тех, что просто выбросить жалко. И лежат они там, в пыли и паутине, годами, если не десятилетиями. И ладно бы еще бабушкин альбом с вышивками или дедушкина офицерская сумка – все-таки память. А то ведь мирно уживаются на антресолях устаревшие коньки, электрический набор для выжигания и здоровенный альбом с видами города Житомира.

Всему этому место на помойке, решительно утверждала тетя Рая, а тех, кто хранит на антресолях меховые вещи, она бы сама лично расстреливала – по всему дому моль распускают.

Тем не менее Катя засунула чемодан на антресоли, чтобы не думать о нем как можно дольше.

Той ночью ей приснился дядька – большой, шумный. Он смеялся громко и раскатисто, тянул к ней руки и кричал: «Не дрейфь, Катюха, прорвемся!»

Катя проснулась с улыбкой, как будто повидались.

С тех пор она взяла за правило советоваться с дядькой мысленно по самым разным вопросам. Покупать ли новый шкаф в прихожую? Соглашаться ли на курсы повышения квалификации? Ехать ли в отпуск, оставив маму на тетю Раю, или все же не рисковать?

Покупать обязательно, советовал дядька, тот деревянный монстр, что стоит в прихожей с незапамятных времен, давно пора выбросить. Заодно и все старье, что там хранится. В квартире станет свободнее и легче дышать.

Дядька вообще любил просторы, его всю жизнь тянуло из душного города в тайгу, в степь, на вольный ветер.

И на курсы соглашайся, говорил дядька, увидишь свежих людей, узнаешь новости, чему-то научишься, а то ты в своей библиотеке мхом покрываешься.

Только насчет мамы дядька ничего не советовал – это твое, говорил, ты сама должна решать.

Так Катя в отпуск в тот раз и не поехала – маме стало хуже, и она побоялась оставить ее на чужого человека.

Но с дядькой советовалась по-прежнему. Он говорил дельные вещи, во всяком случае, это было лучше, чем искать ответы на насущные вопросы у героинь Тургенева и Достоевского. В самом деле, ну что они могли ей посоветовать – эти наивные тургеневские девушки или страстные неврастенички Достоевского? И те и другие были абсолютно неприспособлены к жизни.

С мамой Катя свои выводы насчет классической литературы не обсуждала.

Катя очнулась от мыслей о прошлом. Было прохладно. Сердце билось ровно, виски не ломило. Нужно заснуть, потому что завтра предстоит длинный рабочий день, а потом... потом она увидит Алексея. Он придет в библиотеку пораньше, сядет в укромном уголке и будет листать книги, изредка бросая на нее мягкие внимательные взгляды. И Катя уже привыкла к этим взглядам и перестала смущаться. Ей приятно, когда он на нее смотрит. Ей нравится, что он приходит раньше и терпеливо ее ждет. Коллеги уже привыкли к нему, встречают его приветливо, предлагают наперебой кто чаю, кто кофе, кто свежую прессу, и даже суровая уборщица баба Зина перестала ворчать.

Катя повернулась на бок и уютно свернулась калачиком, намереваясь заснуть и видеть самые радужные сны. А для этого следовало подумать об Алексее. Но перед глазами отчего-то встало другое лицо – красное, злобное, с выпученными глазами. Игорек, бывший будущий муж.

Катя успела еще возмутиться – она не должна вспоминать о нем, это перевернутая, перечеркнутая страница ее жизни, у нее теперь все сложится по-другому...

И тут же заснула, сохраняя на лице сердитое выражение.

Шейх Адбалла приподнялся на подушках. Его худое, морицинистое лицо, словно источенное неутомимым ветром пустыни, покрылось мелкими каплями пота. Бронзово-смузлая кожа приобрела нездоровый землистый оттенок.

Мальчик, который сидел на корточках перед входом в шатер, ожидая приказаний, широко открыл темные глаза, с любопытством взглянул на старика. Шейх умирал, а мальчик еще никогда не видел смерти, и ему было очень интересно.

– Позови моих сыновей! – негромко проговорил шейх, облизав пересохшие губы.

– Слушаю и повинуюсь! – отозвался мальчик и удалился не слишком поспешно.

Старый шейх умирал, и его приказы выполняли неторопливо, как будто он уже не был шейхом, главой рода, как будто приближающаяся смерть уже отняла у него часть власти, как отняла она его силу и здоровье.

Однако уже через несколько минут сыновья шейха вошли в шатер – высокий, жилистый Кемаль и коренастый, подвижный Мехмет, щеку которого пересекал кривой шрам от сабельного удара. Они спешили, надеясь услышать последнюю волю отца и ревнуя друг друга к его убывающей на глазах власти.

Шейх снова приподнялся, взгляделся в их напряженные, выжидающие лица.

– Я умираю, дети мои, – проговорил он значительно, как будто сообщал некую важную, неведомую доселе истину.

– Это не так, отец! – воскликнул Мехмет и переступил на месте, как застоявшийся в стойле жеребец. – Если будет угодно Аллаху, да славится он во веки веков, вы еще поправитесь и проживете много лет на радость близким...

– Не перебивай меня, – шейх недовольно поморщился, – я знаю, что говорю. Ангел смерти Азраил уже осенил меня своим черным крылом. Но прежде чем умереть, я должен открыть вам большую тайну и объявить свою последнюю волю...

Сыновья замерли в нетерпеливом ожидании.

Шейх обежал глазами шатер и проговорил недовольно:

– Уберите этого любопытного мальчишку! То, что я скажу, не предназначено для посторонних ушей!

Действительно, у входа в шатер снова сидел маленький прислужник, с любопытством наблюдая за происходящим. Мехмет шагнул к нему, протянул руку, чтобы схватить за ухо, но проворный мальчишка улепетнул из шатра, хныкая и потирая нетронутое ухо.

Шейх завожился в постели и вытащил спрятанную в изголовье шкатулку. Кемаль и Мехмет переглянулись. Неужели отец все же откупорит свою кубышку? Они знали об этой шкатулке, но ни разу не видели ее содержимое. Последнее время семья едва сводила концы с концами, овец косил мор, верблюды не давали приплода. Сыновья не раз просили у отца денег, чтобы поправить дела, но тот каждый раз отнекивался, уводил разговор в сторону, а на любые намеки о заветной шкатулке отвечал гневным сверканием глаз. И вот теперь, в преддверии смерти, он сам ее достал...

– Вы не раз спрашивали меня об этой шкатулке, – проговорил шейх, пристально глядя в лица сыновей. – Но прежде я ничего вам не говорил, ибо считал, что вы еще не готовы принять истину. Мне кажется, дети мои, что вы и сейчас не вполне готовы, но у меня нет другого выхода. Я боюсь умереть в любую минуту, боюсь, что истина умрет вместе со мной...

– Вы не умрете, отец! – вступил на этот раз Кемаль, но шейх остановил его властным движением руки.

– Молчи и слушай! – проговорил он негромко и сам замолчал, как будто собираясь с силами. Веки шейха опустились, ни один мускул на лице не двигался, и сыновья переглянулись – уж не умер ли он, так ничего им не сказав?

По полу пробежала маленькая ящерица, замерла, поблескивая выпуклыми глазами.

Шейх пошевелился, открыл глаза и продолжил:

– Вы знаете, сыновья мои, что наш род издавна кочует по самым отдаленным, самым безлюдным местам?

Сыновья утвердительно кивнули, опустив глаза.

Они считали, что отец боится других, более могущественных шейхов, боится столкновений с более сильными племенами, оттого и пасет стада в таких пустынных, нищих местах.

– Мы таимся от других людей, потому что нашему роду доверено великое сокровище, священная реликвия, которая не должна попасть в чужие руки...

Шейх снова замолчал. Но на этот раз он не закрыл глаза – он пристально, не мигая, смотрел на икатулку.

– Подойдите ближе ко мне, сыновья!

Кемаль и Мехмет послушно приблизились, остановившись у самого края постели. Ящерка, испугавшись, стремительно кинулась прочь и спряталась в складке полого.

Шейх положил руки на крышку икатулки, как кладут их на голову любимого сына, желая его благословить, и наконец с явной неохотой открыл ларец.

Сыновья нагнулись, едва не столкнувшись лбами, взгляделись в открытую икатулку – и едва сумели сдержать вздох разочарования.

Они надеялись увидеть груды драгоценных камней, груды самоцветов, сверкающих всеми цветами радуги – смарагдов, зеленых, как свежая трава, огненных лалов, желтых и синих сапфиров, дымчатых топазов... или, на худой конец, груды золотых монет – пиастров, цехинов, тяжелых дублонов...

Они надеялись, что отцовская икатулка позволит им поправить дела рода, купить сильных молодых верблюдов, дорогое оружие, красивых рабынь...

Но вместо дорогих камней и золотых монет в икатулке лежал старый кинжал с простой рукоятью, покрытой загадочными узорами. И рядом с ним – такие же простые ножны.

Братья недоуменно переглянулись – вряд ли стоило хранить такой кинжал в заветной икатулке. Да они сами носили на поясе более дорогое оружие, с отделанными золотом и перламутром рукоятями!

– Вы разочарованы, дети мои? – насмешливо проговорил шейх. – Я вижу, вы ждали чего-то другого!

– Это не так, отец... – запротестовал Кемаль, а Мехмет только сверкнул глазами.

– Я открою вам великую тайну! – прошепестел шейх тихим, слабым голосом. – Тайну, которую наш род хранит долгие века. Этот кинжал – великая святыня, наследие королей давнего прошлого. В самом кинжале и в его ножнах таится огромная сила. Древние короли, владевшие половиной мира, использовали этот кинжал только для священных церемоний. Кинжал воплощает в себе светлое могущество, мужское начало. Его выковали для древних королей кузнецы северного народа, и в нем заключена власть над Севером. В ножнах же воплощено женское начало, его сила и плодородие. Эти ножны изготовили мастерицы Востока, и они передали ножны древним королям вместе с властью над Востоком. Но, только вложив кинжал в ножны великим ритуалом творения, древним ритуалом продления рода, можно подчинить своей власти все народы мира...

– Так что же выходит, отец, – проговорил недоверчиво нетерпеливый Мехмет. – Выходит, что вы – наследник древних владык, вы храните у себя под подушкой ключи от власти над миром? Что же тогда мы так бедно живем, что же мы кочуем по безлюдным, пустынным местам, как последние нищие?

– Замолчи, непочтительный сын! – Шейх сверкнул глазами, как будто к нему вернулись прежние силы. – Наш род – не род королей, святыня – не наша собственность, она лишь доверена нам на хранение. Своей преданностью, своей верностью древним владыкам заслужили мы эту великую честь. Мы – не короли, но и не простые кочевники, мы – слуги священного оружия, его хранители! Ты не дослушал меня, сын, а между тем я еще многое должен сказать, пока смерть не забрала меня в свои чертоги!

Он перевел дыхание. Лицо старика еще больше побледнело, грудь поднималась тяжело и неровно.

– Потому мы и таимся в этих забытых Богом местах, чтобы священное оружие не попало в чужие руки! Я сказал вам, что, вложив кинжал в ножны во время священного ритуала, можно обрести великую власть. Но это может сделать только потомок древних королей. Если же это совершит случайный человек, а также если не соблюсти в точности ритуал – последствия будут ужасны, все народы мира ждет тогда страшный конец! Так вот, сыновья мои, нынче ночью я видел сон, вещий сон...

Шейх снова прикрыл глаза, словно его утомлял дневной свет, но на этот раз он не замолчал, он продолжал говорить, должно быть, боясь, что не успеет закончить, не успеет сообщить сыновьям свою последнюю волю.

– В этом сне ко мне явился последний из древних королей и сказал мне, что некие нечестивые люди охотятся за священным кинжалом. До сих пор наш род благополучно хранил доверенную ему тайну, выполняя завет королей, но так будет не всегда. И вот, чтобы уберечь мир от страшной беды, древний король приказал разделить святыню. После моей смерти ты, Кемаль, возьмешь себе священный кинжал и будешь по-прежнему кочевать в этих местах. Ты же, Мехмет, возьмешь ножны, половину людей и половину стад и отправишься с ними на восток. Там, далеко за горами, есть безопасные места, где ты сможешь сберечь свою часть святыни...

Шейх замолчал, и сыновья подумали, что он уже отошел в чертоги смерти. Но вдруг лицо его дрогнуло и порозовело, старик приподнялся и воскликнул:

– Поклянитесь, что выполните мою последнюю волю! Выполните ее в точности! Поклянитесь перед моим смертным одром на самой большой святыне этого мира – на оружии древних королей!

И сыновья шейха поклялись.

Еще не опустилось солнце за горизонт, как шейх Абдалла отошел в вечные чертоги смерти.

Братья похоронили его по обычаю предков, закололи черного барана и устроили поминальную трапезу. А уже на рассвете нетерпеливый Мехмет, отсчитав половину овец и верблюдов, собрав половину рода, спрятал на груди древние ножны, вскочил на вороного отцовского коня и двинулся на восход солнца.

Степан подошел к двери своей квартиры, достал ключи, но прежде чем вставить ключ в замочную скважину, настороженно оглянулся. Всю дорогу ему казалось, что кто-то идет за ним по пятам, кто-то смотрит ему в спину пристально и неотступно.

Разумеется, на лестнице никого не было.

Степан перевел дыхание, открыл скрипучую дверь, вошел в темную прихожую.

Он жил в двухкомнатной квартире, занимая в ней одну комнату. Во второй обитала тихая старуха, отзывавшаяся на удивительное отчество Африкановна.

Степан мечтал, что со временем вторая комната естественным образом освободится и он заживет в отдельной квартире. Хотя, надо признаться, Африкановна Степану совершенно не мешала, из своей комнатки выходила только в сумерках, как будто была ночным животным, тихонько варила еду в маленькой алюминиевой кастрюлечке, бормоча при этом что-то себе под нос.

Степан думал, что она молится, но как-то, прислушавшись к тихому бормотанию, разобрал слова советской песни:

«Мы с железным конем все поля обойдем, уберем, и посеем, и вспашем...»

Как-то Степану понадобилась соль, и он неохотно постучал в дверь соседки.

Африкановна не отозвалась, тогда он толкнул ее дверь, заглянул внутрь.

Соседка сидела в углу комнаты. На стене над ней было развешено то, что Степан сперва принял за иконостас. Однако, приглядевшись внимательнее, он разглядел пожелтевшие

вырезки из старых советских газет и фотографии каких-то людей в военной форме устаревшего образца и в рабочих спецовках, некоторые из них показались Степану смутно знакомыми. Среди них то и дело попадалась некрасивая молодая женщина в косо завязанной косынке, в которой он с немалым удивлением узнал черты Африкановны.

И вот теперь, с удивившей его самой робостью, Степан проскользнул мимо двери соседки, открыл дверь в свою комнату, вошел внутрь и наконец перевел дыхание.

Он был дома, он был один, он был в безопасности.

– Здравствуй, Степа! – раздался вдруг из глубины комнаты низкий насмешливый голос.

Степан шарахнулся обратно к двери, споткнулся о половик, едва не упав, сохранил равновесие, дернул на себя ручку двери, но тот же насмешливый голос остановил его:

– Ты чего такой нервный? Заходи, будь как дома!

Степан остановился, опустил руки, развернулся.

Комната была погружена в полумрак, и в дальнем углу, в старом продавленном кресле, темнела человеческая фигура.

– Ты, что ли, Штандартен? – проговорил Степан настороженно.

– Ну вот, узнал! – хмыкнул гость. – А я уж надеялся – не узнаешь, и я разбогатею! Знаешь, есть такая примета. Ладно, Степа, заходи, заходи, поговорим!

– А ты как сюда попал?

– В квартиру соседка твоя пустила, а комната оказалась не заперта, вот я и вошел! И то – не в прихожей же тебя дожидаться!

– А что в темноте сидишь?

– А мне темнота нравится! – Штандартен откровенно веселился. – Знаешь, как говорят, темнота – друг молодежи! Мы с тобой, правда, не такие уж молодые, но еще и не старые... тебе, думаю, темнота тоже нравится – ты же у нас «черный следопыт»! Впрочем, если хочешь, включи свет, я не возражаю!

Степан перевел дыхание, скользнул к окну, задернул плотные шторы и только после этого щелкнул выключателем. Комнату залил уютный желтый свет, и он смог разглядеть своего незваного гостя.

Штандартен сидел в старом кресле, вальяжно развалился, как у себя дома. Светлые волосы коротко острижены, блеклые, бледно-голубые глаза посажены слишком близко к переносице. Подбородок скошен, отчего лицо кажется вялым и безвольным. Черное кожаное пальто расстегнуто, из-под него виднеется черный, глухо застегнутый китель, сшитый по образцу эсэсовского. За странные наряды и за любовь ко всему, что отдает мрачной эстетикой Третьего рейха, этого чокнутого и прозвали Штандартенфюрером, или проще – Штандартеном.

Он охотно откликался на прозвище, а настоящего его имени никто не знал. Впрочем, Степана его имя и не интересовало. Ему важно было одно – что Штандартен покупает их с Мишкой находки и платит, почти не торгуясь.

Обычно они сами приходили к Штандартену домой после удачных экспедиций. Жилище покупателя выглядело мрачно – на стенах нацистские плакаты, портреты Гитлера и его приближенных, по углам – флаги и вымпелы со свастикой, начищенные до блеска немецкие каски, выцветшие мундиры СС и вермахта. Другие «сувениры» хранились не на виду, в потайной комнате, – немецкие автоматы и винтовки, пистолеты и десантные ножи, и даже тяжелый пехотный миномет. Оружия в этой комнате хватило бы, чтобы вооружить небольшую пехотную часть.

– Ну что, Степа, накопили сегодня что-нибудь? – осведомился Штандартен, когда его глаза привыкли к свету.

– Да так, по мелочи... – ответил Степан, пряча глаза. – Ничего интересного... ну ты погляди, может, что возьмешь...

Он выложил на стол содержимое мешка – флягу со свастикой, пряжку от офицерского ремня, портсигар с гравировкой «1942», эсэсовскую эмблему.

– Негусто! – Штандартен небрежно перебрал находки, взял двумя пальцами эмблему, положил в карман. – Это возьму, остальное можешь выкинуть.

В другое время Степан стал бы спорить, горячиться, убеждать покупателя, но сейчас ему было не до того. Сейчас ему хотелось только одного – чтобы гость ушел, оставив его наедине с настоящей находкой, наедине с кинжалом...

– Выкинуть так выкинуть... – проговорил он равнодушно и смел находки обратно в мешок. – Ну, если тебе больше ничего не нужно, давай прощаться. Я устал.

И это явное равнодушие стало его ошибкой.

Глаза Штандартена подозрительно загорелись, он потянул к себе мешок:

– А больше у тебя ничего нет?

– Было бы – неужто бы я не показал? – Степан изобразил удивление. – Мне деньги нужны...

– Плохой из тебя актер, Степа! – неодобрительно проговорил Штандартен. – По твоему лицу всегда видно, когда ты врешь! И вообще, Степа, где Мишка, дружок твой? Вы же с ним вместе уехали!

– Как – где? – Голос Степана предательски дрогнул. – Дома, наверное... где же еще ему быть!

– Нет, Степа, дома его нету! Я как раз перед тем, как к тебе идти, к Мишке заглянул, так Райка, жена его, сказала, что со вчерашнего дня мужа не видала... а ему ведь до дома куда ближе, чем тебе!..

– Ну что ты ко мне пристал? – набычился Степан. – Нету – значит, застрял где-нибудь по дороге! Может, дружков своих встретил, выпить зашел куда-нибудь... Мы с ним в лесу разминулись, я короткой дорогой пошел, а он длинной...

– Длинной, значит? – Штандартен пошевелился, как будто устал от неловкого положения, и на коленях у него вдруг образовался старый «вальтер». Старый, но очень надежный, отлично вычищенный и смазанный. Степан когда-то сам продал этот пистолет Штандартену.

– Почему-то, Степа, я тебе не верю! – проговорил покупатель ленивым, безразличным голосом, от которого у Степана нехорошо заныло под ложечкой. – Почему-то, Степа, я думаю, что ты мне врешь! А врать, Степа, плохо! Тебе это разве в детстве не говорили?

– Слушай, Штандартен, кончай трепаться! – Степа опасливо взглянул на пистолет. – Не хочешь ничего покупать – так я тебя не задерживаю. Говорю тебе – я устал, спать хочу! Что ты стволом размахиваешь! Не будешь же ты стрелять в квартире!

Степан старался держаться уверенно и независимо, но это давалось ему тяжело – он всегда побаивался этого странного человека с его нацистскими замашками и холодными бесцветными глазами законченного маньяка.

Штандартен достал из кармана тяжелый стальной цилиндр, накрутил его на ствол пистолета, задумчиво поглядел на Степана.

– Колись, Степа! – проговорил он тихо, уверенно. – Что еще вы с Мишкой нашли сегодня на болоте?

– Да говорят тебе – ничего! – выдохнул Степан неприязненно. – Что ты надумал? Не будешь же ты и вправду стрелять! Совсем, что ли, с катушек съехал?

– А я чувствую, что ты врешь! – Штандартен повел розовым крысиным носом, будто и вправду принюхиваясь. – Ты, значит, думаешь, что я не буду стрелять? А почему бы и нет?

Он поднял пистолет, раздался негромкий хлопок, и с жалобным звоном разлетелась на куски голубая вазочка, стоявшая на шкафу.

– Совсем сдурел?! – вскрикнул Степан, шагнув к Штандартену. – Это матери моей вазочка!

Рука его непроизвольно потянулась за пазуху, где ровным спокойным холодом давал о себе знать кинжал.

– Матери, говоришь? – издевательским тоном проговорил Штандартен, поигрывая пистолетом. – Как там сказано – чти отца своего и мать свою! Кровь – она превыше всего! Хотя мать-то у тебя, Степа, была далеко не арийского происхождения!

И тут Степа не выдержал. Рука сама собой скользнула за пазуху, и тут же пальцы сжались на рукоятке кинжала. Он выбросил руку вперед, кинулся к Штандартену...

Но тот с неожиданной ловкостью выскользнул из кресла, перекатился по грязному, давно не мытому полу и, почти не целясь, выстрелил. Пуля вошла в левое плечо. Степан споткнулся, закрутил головой в поисках ускользнувшего противника, увидел его, шагнул, неловко размахивая кинжалом...

– Значит, я не ошибся! – Штандартен ловко вскочил на ноги, вскинул пистолет. – Значит, Степа, ты хотел-таки спрятать от меня самую интересную находку? Нехорошо, Степа, нехорошо!

Он еще дважды выстрелил. Степан широко открыл рот, пытаясь вдохнуть, но воздух в комнате неожиданно кончился, как будто его высосали огромным пылесосом.

Степан вспомнил вдруг удивленное лицо Михаила, его округлившиеся глаза, его хриплый, сорванный голос: «Ты что?!»

И это воспоминание тут же растаяло, а вместо него вдруг возник перед Степиным внутренним взором скалистый утес, возвышающийся над бурным морем, а в небе над утесом – гордо парящий белый орел...

Степа захрипел и рухнул на пол.

Штандартен наклонился над ним, попытался забрать у него кинжал. Однако мертвые пальцы так вцепились в рукоять, что пришлось несколько минут провозиться, отгибая каждый палец лезвием складного швейцарского ножа.

Наконец Штандартен выпрямился, бережно держа кинжал обеими руками.

– Какая чудесная вещь! – проговорил он, и голос дрогнул от волнения. – И этот козел не хотел мне его отдавать!

Он неприязненно взглянул на мертвого Степана, пнул его ногой, так что тот перекатился на спину. Штандартен увидел широко открытые глаза «следопыта» и невольно отшатнулся.

Зачем он это сделал? Зачем убил Степана? Ведь тот еще долго мог бы снабжать его разными интересными вещами, «сувенирами» Третьего рейха...

Но им словно владела чужая, неведомая воля. И все, что он сделал, было правильно. Так хотел рок, так распорядилась судьба, а Штандартен безоговорочно верил в судьбу и кровь.

Зато теперь у него есть эта прекрасная вещь, этот кинжал.

В ушах его зазвучал ровный, мощный шум – как будто он услышал гул волн, бьющихся о скалистый утес...

Штандартен еще раз, пристально и любовно, взглянул на клинок.

Ему показалось, что на лезвии кинжала темнеет капелька крови. Штандартен тщательно вытер лезвие носовым платком, спрятал кинжал, шагнул к двери, прежде чем открыть ее, погасил свет.

Выйдя в прихожую, увидел приоткрытую дверь соседней комнаты и выглядывающую оттуда старуху.

Ах да! Он совершенно забыл про соседку Степана! Ведь она его видела, она впустила его в квартиру, а значит, сможет описать ментам его внешность...

Надо признать, что внешность у него характерная, запоминающаяся. А это значит – нельзя оставлять свидетелей.

– Я слышала какой-то шум, – прошелестела старуха из-за двери. – У вас что-то упало?

– Да, мы со Степаном передвигали мебель и уронили книжную полку! – проговорил Штандартен и полез за пазуху, где лежал пистолет. – Не беспокойтесь, все в порядке!

Почему-то вместо пистолета в руку ему попала рукоятка кинжала. Пальцы ловко и ладно обхватили ее, потащили наружу...

Да, конечно, так будет правильнее – старуху нужно не застрелить, а заколоть, причем заколоть непременно кинжалом... Почему так нужно – он не понимал, да и не задавал себе такого вопроса. Нужно – вот и все.

Штандартен выбросил вперед руку с зажатым в ней клинком, шагнул к полуоткрытой двери...

Вдруг за спиной у него один за другим грохнули два выстрела.

Штандартен обмер, крутанулся на месте. На лбу у него выступили капли холодного пота. Он прислушался к себе, ожидая боли, дурноты, признаков неумолимо надвигающегося конца.

Однако за выстрелами ничего не последовало – ни боли от ран, ни сурового окрика милиционера...

Ничего не понимая, он спрятал обратно кинжал, осторожно вытащил пистолет и прокрался на кухню, туда, откуда только что стреляли.

Здесь не было ни души.

Оглядевшись и поняв, в чем дело, Штандартен облегченно вздохнул и рассмеялся: соседка оставила на огне кастрюльку с парой яиц, вода выкипела, и яйца с грохотом взорвались. Этот-то грохот он и принял за выстрелы...

Штандартен выключил газ, вернулся в прихожую.

Пока он разбирался на кухне, старуха закрылась у себя в комнате, и теперь из-за двери доносился скрип и скрежет – наверняка старая кошелка сдвигала мебель к двери, устраивала баррикаду...

Вот сволочь!

– Бабушка, чего вы испугались? – проговорил он под дверью мягким, убедительным голосом. – Откройте, я вам все объясню! Вы все неправильно поняли!..

Старуха ничего не ответила, только еще громче заскрипела, передвигая мебель.

«Сильная какая! – раздраженно подумал Штандартен. – На ней еще воду возить можно!»

Он подошел к двери, толкнул ее. Дверь даже не шелохнулась. Он навалился на нее всем весом – и снова тот же результат.

И тут из-за двери донеслись ровные, тяжелые удары.

Старуха была каким-то тяжелым предметом в стену, чтобы привлечь внимание жильцов соседней квартиры.

И она добила своего: за стеной послышался чей-то приглушенный, раздраженный голос:

– Вы что там, совсем сдурели? Прекратите хулиганить, а то сейчас милицию вызову!

Старуха принялась лупить в стену с новой силой.

Штандартен грязно выругался, бросился к входной двери, вылетел на лестницу и скатился по ступенькам на первый этаж.

Черт с ней, в конце концов, с этой старухой!

Катя спала так крепко, что не слышала звонка будильника. Поэтому пришлось собираться в спешке, а ведь сегодня нужно было обязательно принарядиться и наложить макияж. То есть это только так говорится – наложить макияж. В Катином случае это означало слегка подкрасить белесые ресницы дешевой тушью и мазнуть по губам помадой светло-розового цвета.

Разумеется, тушь ложилась на ресницы тяжелыми вязкими комками. Разумеется, Катя торопилась, рука невольно дрогнула, и один комок попал в глаз.

– Только не это! – простонала Катя, но было уже поздно.

Глаз защипало, выступили слезы. В носу тоже засвербело.

«Не паниковать!» – приказала себе Катя и неестественно вылупила глаза, чтобы слезы не смочили ресницы. Именно такой она и увидела себя в зеркале – глаза безумно выпучены, нос красный, губы чужого мерзко-розового цвета.

И на кого она похожа? На лягушку, больную базедовой болезнью!

От расстройства слезы хлынули из глаз ручьем. Пришлось тщательно умываться, потом промакивать лицо полотенцем – ни в коем случае не тереть, советовали в женских журналах, в противном случае глаза опухнут и накрасить ресницы будет очень трудно.

Начиная все сначала, Катя усмехнулась. Если бы мама знала, что она почитывает женские журналы, она перевернулась бы в гробу. Да-да, с некоторых пор Катя пытается почерпнуть из них хоть что-то практически полезное. Потому что героини классических романов пили уксус, чтобы сохранить интересную бледность, а косметикой не пользовались вообще. Не принято было.

«Может, так оно и проще?» – вздохнула Катя, печально глядя на дело рук своих.

Определенно, вид в зеркале несколько не улучшился. Время поджимало, и она распахнула шкаф в спальне, чтобы выбрать одежду. То есть это только так говорится, что выбрать. На самом деле выбрать было особенно не из чего.

Свитер и темную шерстяную кофту она отмела сразу – хоть идут они с Алексеем сегодня в филармонию, а не в ресторан, все же хочется быть понаряднее. Откровенно говоря, кофта далеко не новая, и цвет такой... серо-буро-малиновый, Катя надевает ее осенью, когда еще не топят и в библиотечных залах стоит вселенский холод.

Дальше взгляд упал на синий костюм, Катя надевала его по торжественным случаям – когда в их библиотеке выступал, к примеру, какой-нибудь известный писатель или проводились какие-нибудь чтения. Тогда приезжали чиновники из комитета по культуре, и директриса Кира Леонидовна требовала, чтобы сотрудники выглядели на уровне.

Костюм Кате тоже не подошел – слишком официальный. Да и цвет, если честно, вовсе не синий, а чернильный. Кате костюм не идет, она знает. Остается только пиджачок – серенький, в неявную крапинку. Шея жалко торчит из выреза. Вид какой-то неприкаянный.

Катя надела янтарные бусы, мама когда-то давно привезла их из Прибалтики. Это случилось еще до Катиного рождения, мама рассказывала, какой чудесный месяц провела она на Рижском взморье, про то, как только смельчаки отваживались купаться в холодном Балтийском море, остальные же прятались от ветра в близлежащих елочках. Поэтому пляж оставался почти всегда пустым, можно было беспрепятственно проходить по кромке берега многие километры.

Не зря говорят, что янтарь – живой камень, он реагирует на человеческое тепло. От долгого лежания в темном ящике янтарь умер, и бусы казались теперь сделанными из дешевой пластмассы. Катя в который раз вздохнула.

В женских журналах советовали обновлять гардероб постепенно, не покупать множество дешевой одежды, а лучше раз в месяц приобретать хотя бы одну дорогую фирменную вещь. Так, дескать, получается гораздо экономнее.

После маминой смерти Катя долго раздавала долги – много денег ушло на лекарства и похороны. К тому же в связи с кризисом библиотеке сократили финансирование, и зарплаты сотрудников, и без того очень скудные, урезали тоже.

Первые несколько месяцев после смерти мамы Катя была измучена морально и физически, после работы просто падала на диван и валялась весь вечер, бездумно щелкая пультом телевизора. Не хотелось ни есть, ни пить. Готовить тоже не хотелось, и стирать, и убирать квартиру. Она с трудом поднимала себя по утрам и тащилась на работу. Кате рассказывали, что директриса Кира Леонидовна не уволила ее тогда только потому, что побоялась показаться в глазах сотрудников полной стервой – у человека несчастье, а она добивает. И хоть отношения у нее с руководством не слишком теплые, Катя все же благодарна Кире.

Положение спас дядька. Он явился Кате во сне и заставил себя слушать.

«Займись делом! – говорил дядька. – В квартире приберись, окна покрась, занавески постирай! На гимнастику запишись, на фитнес, да хоть на танцы, найди какой-нибудь приработок! Не кисни!»

Он так долго твердил одно и то же, что Катя наконец прислушалась. И, наскоро разобрав завалы в квартире, решила заняться зарабатыванием денег.

Оказалось, однако, что в период кризиса родители школьников слегка подзабыли, что их детям нужно дать образование. Родители махнули рукой на двойки в дневниках своих чад или предпочитали решать вопросы полюбовно, с помощью подарков учителям. Причем подарков тоже не слишком дорогих.

Так что Катино умение решать трудные задачи по математике и чертить сложнейшие геометрические эпюры никому уже не требовалось. Однако дядькины советы все же сыграли свою роль – Катя приободрилась, депрессия прошла, и даже заведующая Кира Леонидовна смотрела на нее теперь гораздо приветливее. А однажды вызвала в свой кабинет и предложила дополнительную работу.

Умер один академик, после него осталась огромная библиотека, и вдова просила помочь ей разобраться – каталогизировать книги, отделить по-настоящему ценные от просто нужных и посоветовать, что сделать с ненужными. Катя договорилась, что она будет посвящать этой работе три вечера в неделю, и работа растянулась на несколько месяцев. Катя очень любила книги, так что работа ей нравилась, и с вдовой академика она подружилась.

Штандартен открыл входную металлическую дверь, вошел в свою квартиру.

Квартира эта была переделана из бывшей дворницкой. Размещалась она на первом этаже большого и мрачного старинного дома в Коломне – в старом районе Петербурга, расположенном неподалеку от Сенной площади. Штандартена такое расположение устраивало, в особенности радовало то, что у него имелся собственный отдельный вход с улицы, точнее – из темного двора-колодца. Гости к нему приходили разные, некоторые выглядели довольно подозрительно, так что отсутствие соседей было при таком раскладе очень удобно.

Закрыв за собой тяжелую дверь на все замки и запоры, Штандартен облегченно вздохнул.

Здесь и только здесь он ощущал себя в безопасности.

С детства он чувствовал, что весь окружающий мир настроен к нему враждебно, неприязненно. Он рос некрасивым, слабым и болезненным мальчиком, и сверстники на каждом шагу норовили обидеть, унижить его, да еще посмеяться над его унижением. Звали его Леней, Леонидом, и он ненавидел свое имя почти так же люто, как свою жалкую, ущербную внешность.

Отец Лени ушел из семьи, когда мальчику было пять лет, а мать, замотанная некрасивая женщина, почти не замечала сына – ей приходилось бороться за существование, зарабатывать на жизнь и пытаться заново создать семью.

Лене уже минуло пятнадцать, когда он встретил Владимира Павловича.

Это был рослый, вальяжный, представительный мужчина с бархатным голосом и большими, сильными руками. На мизинце левой руки он носил кольцо с крупным черным камнем, отсвечивающим тусклым таинственным блеском.

Владимир Павлович защитил Леню от своры уличных хулиганов, пригласил к себе домой, угостил вкусным швейцарским шоколадом. Он пригрел ущербного подростка, научил его простым и эффективным приемам самообороны. Самое главное – Леня чувствовал, что небезразличен Владимиру Павловичу, что он интересен этому взрослому и значительному человеку.

Когда он допоздна засиделся у нового друга и тот оставил его у себя ночевать, Леня понял причину этого интереса. Изменить что-то было уже поздно, да он и не очень этого хотел. Леня давно уже понял, что за все надо платить, и платить преимущественно собой.

У Владимира Павловича ему нравилось: большая просторная квартира, много красивых вещей, интересные книги на полках, картины и фотографии по стенам. Все это так отличалось от их с матерью бедного и скучного жилища!

Именно от Владимира Павловича Леня узнал о Третьем рейхе.

То есть, конечно, и раньше он знал о Великой войне, о фашистах, но эти знания были на уровне занудных школьных учебников и старых наивных фильмов, где фашисты выглядели круглыми дураками, а теперь он узнал от старшего друга об истоках нацистского движения, о Черном ордене СС, о романтике штурмовых отрядов, о высоком значении слов «Кровь» и «Почва».

Только теперь Леня понял причину враждебности окружающего мира: эта причина заключалась в извечной ненависти людей низшей расы, недочеловеков, к представителям расы господ...

А в том, что сам Леня принадлежал к расе господ, он нисколько не сомневался.

Как все жалкие, закомплексованные неудачники, он искал причину своих неудач, причину своей никчемности в каких-то внешних обстоятельствах, в других людях, в происках злых, посторонних сил.

Лене было уже почти восемнадцать, когда Владимира Павловича нашли в спальне с перерезанным горлом. Следователь заинтересовался их взаимоотношениями, но Леня числился еще несовершеннолетним, и от него быстро отстали.

Способный юноша унаследовал от старшего друга немного денег (он как-то подсмотрел, где Владимир Павлович прячет свои небольшие сбережения), потрепанный томик «Майн кампф» и серебряное кольцо с черным камнем. Своим новым знакомым Леня говорил, что это кольцо принадлежало когда-то Йозефу Геббельсу. Иногда, впрочем, он сбивался и называл хозяином кольца то Германа Геринга, то Рудольфа Гесса. Впрочем, новые знакомые уже не называли его Леней: именно тогда юноша придумал себе звучный и выразительный псевдоним Штандартенфюрер.

С тех пор прошло больше десяти лет.

Из некрасивого, ранимого, болезненного юноши Штандартен превратился в некрасивого, злого, самоуверенного мужика с замашками начинающего супермена, поселился в бывшей дворницкой и обставил свое мрачное логово нацистскими флагами, плакатами и прочей сомнительной символикой.

Иногда по вечерам, проводив поздних гостей, Штандартен садился в глубокое кресло с вырезанной на спинке свастикой (он говорил своим гостям, что это кресло стояло в подземном бункере Гитлера, хотя в действительности оно происходило из полицейского участка в Баварии), под сенью развернутого красно-бело-черного флага, сворачивал в трубочку купюру в десять рейхсмарок и с шумом втягивал приличную порцию кокаина.

На парусах очищенного кокаина Штандартен уносился в мир своей мечты, в мир, где властвовали Кровь и Почва. Себя он видел белокурой бестией в черном мундире СС, властителем судеб целых народов. Он стоял на трибуне перед многотысячными толпами единомышленников и бросал им слова, тяжелые и страшные, как гранаты. Или – в сопровождении безмолвных автоматчиков шел вдоль строя трясущихся, жалких недочеловеков и резким взмахом руки в черной перчатке выхватывал из строя то одного, то другого, разделяя их, как на Страшном суде: одного – направо, другого – налево.

Лица этих недочеловеков были удивительно знакомыми: он узнавал среди них тех мальчишек, которые высмеивали и мучили в детстве маленького Леню, тех учителей, которые вызывали его к доске на посмешище классу, всех тех, кто воплощал для него враждебный, жестокий и безжалостный мир...

Вот и сейчас, вернувшись к себе, Штандартен хотел принять обычную дозу и улететь на крыльях мечты в далекие края. Тем более что для этого имелся серьезный повод: в его коллекции появилось достойное пополнение...

Он поставил кресло на обычное место, достал серебряный портсигар со значком СС на крышке, высыпал на эту крышку горку белого порошка и только было собрался разровнять горку и приступить к ритуалу, как в железную дверь постучали.

– Кого черт принес?! – пробормотал он, недовольно покосившись на дверь.

Он не хотел отзываться – в конце концов, может быть, его нет дома! – но стук настойчиво повторился, причем на этот раз это был условный стук: три удара подряд, пауза, два удара, опять пауза и еще один сильный удар.

Так стучали только его знакомые из «Белой бригады», а ссориться с ними не входило в планы Штандартена.

С сожалением он ссыпал порошок обратно в пакетик, спрятал портсигар и пошел открывать.

На пороге стояли Кабан и Штык, здоровенные скинхеды в черных куртках и тяжелых армейских ботинках.

– Что так долго не открывал, Штандартен? – проговорил Кабан, подозрительно оглядывая большую полутемную комнату. – У тебя кто-нибудь есть?

– Небось мальчиков прячешь! – Штык грубо, по-солдафонски заржал и похлопал Штандартена по плечу огромной волосатой лапой. – Да не дрейфь, старый гомик, мы против этого ничего не имеем! Каждый развлекается как хочет!

– Да нет у меня никого, – мрачно отозвался Штандартен. – Устал я, дел сегодня было много, отдохнуть хотел... а вы, парни, зачем пришли? Дело ко мне есть?

– Может, и дело найдется. – Кабан все стрелял глазами по углам, как будто что-то искал. – А сперва, старик, налил бы нам пивка! Я думаю, у тебя найдется пиво для старых друзей?

– Пиво? Пиво найдется! – Штандартен засуетился, освободил часть стола от пожелтевших немецких афиш и листовок, открыл холодильник, прихватил одной рукой три запотевшие бутылки, поставил на стол. – Садитесь, парни!

Скинхеды придвинули стулья, по-хозяйски расположились за столом, открыли бутылки. Штык откупорил свою зубами – крупными и желтоватыми, как рояльные клавиши.

– За наше общее дело! – провозгласил Кабан, и три бутылки соприкоснулись, звякнув.

– Кстати, о нашем деле. – Штык, сделав большой глоток, оскалился – то ли улыбаясь, то ли угрожая. – Ты не слышал, Штандартен, в последнее время каких-то слухов?

– Каких слухов? – Штандартен забеспокоился, но никак не показал своего волнения.

– Кто-то болтает лишнее, – пояснил Кабан, неприязненно зыркнув на хозяина маленькими красными глазками. – Кто-то распускает язык не по делу. А в нашем деле, сам понимаешь, длинный язык ни к чему... в нашем деле длинный язык укорачивают...

– А я-то при чем? – проговорил Штандартен как можно спокойнее. – Я ничего не слышал...

– Может, и ни при чем! – удивительно легко согласился Кабан. – Может, и не слышал... а что, Штандартен, нет ли у тебя каких-нибудь новых игрушек?

Штандартен оживился. Такой поворот разговора его гораздо больше устраивал. Он вскочил из-за стола с бутылкой в руке, в два шага подошел к шкафчику в углу, открыл его, достал жестяную коробочку, вернулся к скинхедам:

– Вот, поглядите, какая цацка!

Кабан осторожно открыл коробочку, увидел потускневший орден, уважительно проговорил:

– Железный крест!

– Второй степени! – похвалился Штандартен. – Редкая вещь, и в хорошем состоянии!

Штык привстал, взглянул через плечо приятеля, пренебрежительно поморщился:

– Барахло, у меня таких штуки три. А вот что у тебя там на полке лежит?

Штандартен вздрогнул, руки его противно задрожали.

Как он дал маху? Почему не припрятал замечательный кинжал, когда услышал условный стук в дверь?

Он встал, заслонив собой приоткрытый шкафчик, и состроил небрежную гримасу:

– Да ерунда какая-то... кортик офицерский, в очень плохом состоянии... сами понимаете, шестьдесят лет в земле пролежал. Проржавел совершенно. Надо будет толковому мастеру отдать, может, приведет в порядок.

– Ну-ка, покажи! – оживился Кабан. – Вроде не похоже на офицерский кортик... интересная штучка!

Он оттеснил Штандартена, потянулся к шкафчику.

С неожиданной злостью Штандартен налетел на скинхеда, схватил его за лацканы куртки, оттолкнул:

– Убери лапы, ясно? Это мое, мое!

Лицо его побагровело, глаза засверкали.

– Сдурел ты, что ли? – Кабан даже растерялся на мгновение от такой вспышки обычно спокойного Штандартена. – Убери от меня руки, ты, скотина!

– Он не сдурел, – спокойно и насмешливо проговорил Штык. – Он скурвился! Думаешь, по чьей наводке менты Бульдога схватили? Точно тебе говорю – его работа! Я давно чую – сливает нас Штандартен, сливает мусорам!

– Не думаю. – Кабан пристально посмотрел на Штандартена, криво усмехнулся. – Он же у нас идейный, искренне предан делу белой расы... настоящий, блин, ариец... Разве настоящий ариец сдаст единомышленников ментам?

– Запросто! – ухмыльнулся Штык. – Настоящий ариец – он за копейку не то что единомышленников – брата родного сдаст!

– Слышишь, Штандартен? – Кабан шагнул к хозяину квартиры, вытащил из кармана куртки тяжелый зубчатый кастет. – Слышишь, что Штык говорит? Ты хочешь что-нибудь сказать в свое оправдание? Или тебе нечего сказать?

Штандартен почувствовал, что дело плохо, что скины пришли к нему с явным намерением рассчитаться за все провалы последних месяцев. Но его не столько волновала собственная судьба, сколько судьба кинжала. Он не хотел его никому отдавать!

– Это мое, мое! – выкрикнул он истерично и сунул руку в карман, где лежал пистолет...

– Вали его, Кабан! – Штык зашел сбоку, выщелкнул лезвие короткого складного ножа. – Завалим его и заберем эту игрушку! Ишь, как он из-за нее взвился! Не иначе стоящая вещь!..

Штандартен попятился, заслоня собой открытый шкафчик. И в этот страшный момент дверь бывшей дворницкой с грохотом распахнулась, и на пороге появились двое бритоголовых парней с явно уголовными физиономиями.

– Кого еще черти принесли? – удивленно проговорил Кабан, поворачиваясь к вошедшим.

– Меня, Кабанчик, меня! – Из-за спины более рослого бандита выскользнул тщедушный тип с прилизанными черными волосами и лицом порочного ребенка. – Ты же знаешь, Кабан, я люблю появляться неожиданно. Работа у меня такая.

Штандартен незаметным движением захлопнул заветный шкафчик и перевел дыхание. Кажется, на сегодня его казнь отменяется. А самое главное – он сохранит кинжал...

Тщедушный тип с двумя телохранителями был небезызвестный Славик, державший в своих руках всю торговлю наркотиками в Коломне. Штандартен должен был Славику кое-какие деньги, а такие люди должников не убивают, это невыгодно.

– Славик, не лезь в наше дело, – недовольно проворчал Штык. – Это наши собственные разборки, тебя они не касаются... мы ведь в твои дела не сеемся...

– Это моя территория! – прошипел Славик и мигнул своим шестеркам. – Все, что здесь происходит, меня касается! И нечего меня учить, ясно?

Его телохранители заняли позиции по углам комнаты, достали пистолеты.

– Но Штандартен стукач... – выдал Штык последний, самый веский аргумент.

– А мне плевать! – спокойно отозвался наркоторговец. – Меня такие мелочи не интересуют! Короче, парни, валите отсюда, если не хотите неприятностей!

Штык еще что-то пытался говорить, пытался качать права, но более трезвомыслящий Кабан схватил его за плечо и потащил к выходу. Через минуту дверь за скинхедами закрылась. Славик пристально посмотрел на Штандартена:

– Ты что – и правда стучишь на своих дружков?

– Все врут! – вскинулся Штандартен.

– Значит, правда! – удовлетворенно проговорил Славик. – Но меня это не интересует, это ваши дела! Ты мне лучше скажи – должок когда собираешься отдать?

– Я тебе половину сейчас отдам. – Штандартен засуетился, полез в карман, вытащил тощую пачку денег, отсчитал Славику несколько мятых купюр. – Я тебе три штуки зеленых должен, верно? Вот полторы, еще полторы за мной...

– Ты мне не три штуки, ты мне шесть должен, – поправил его Славик и решительным движением забрал у него остальные деньги. – Две я взял, еще четыре за тобой...

– Как шесть?! – запротестовал Штандартен. – Было же три, со всеми накрутками...

– Это вчера было три, а сегодня стало шесть! Или ты предпочитаешь, чтобы я попросил твоих друзей вернуться? – Славик покосился на дверь, за которой скрылись скинхеды.

– Не надо. – Штандартен скис. – Ладно, Славик, значит, я тебе должен четыре...

– И не тяни! – пригрозил Славик. – Ты знаешь, что я этого не люблю! Кстати, я тут слышал ваш разговор... какую это штучку хотели заполучить твои друзья?

– Так, ерунда... – протянул Штандартен неожиданно севшим голосом. – Тебе это неинтересно...

– Почему ты думаешь, что неинтересно? – задумчиво возразил Славик. – А может, я возьму ее в счет долга!..

Опять... Руки Штандартена задрожали, горло пересохло. Опять у него хотят отобрать его замечательную находку!.. Все, все против него, как в детстве!

Он снова потянулся к карману, где холодной тяжестью напоминал о себе пистолет. Хотя и понимал, что шансов нет, что телохранители Славика держат его на мушке, следят за каждым его движением. Это было совершенно неважно, сама жизнь казалась не такой важной, как желание сохранить кинжал!

Славик пристально взглянул в его глаза, делано рассмеялся, отступил на шаг:

– Шучу, шучу! Мне эти ваши фашистские штучки совершенно без надобности! Но учти – если не отдашь деньги вовремя, я заберу твою игрушку!..

Штандартен убрал руку, перевел дыхание – который уже раз за сегодняшний день, пробормотал:

– Я отдам, отдам, не сомневайся!

– А я и не сомневаюсь, – отозвался Славик и направился к двери. – Я же знаю – ты себе не враг!

Он покинул бывшую дворницкую вместе с безмолвными телохранителями.

Штандартен запер дверь на все засовы и наконец опустил в свое кресло, положив на колени заветный кинжал.

Принял долгожданную дозу кокаина, но не откинулся на спинку кресла, как обычно, а склонился над кинжалом, уставился на его резную рукоятку.

Когтистая свастика закружилась, как пропеллер самолета, втягивая его в свой бездонный черный водоворот. Штандартен погрузился в темную маслянистую воду, пахнущую смертью и забвением, и вынырнул в другом месте – в бурном, бушующем штормовом море.

Волны выбросили его на скалистый берег. Он поднялся во весь рост, огляделся...

Перед ним было разъяренное море, над ним – мрачное, низкое небо в косматых клочьях облаков, и в этом небе парил, раскинув широкие крылья, белый орел.

Белый и могучий, как белая арийская раса, высшая, безупречная раса господ...

Кровь и Почва! Кровь и Почва – великие символы их беззаветной борьбы!

Штандартен забыл, что давно уже стучит на своих соратников лысому оперативному работнику с пристальными холодными глазами, забыл о долге наркодилеру, забыл обо всех своих неприятностях. У него теперь есть кинжал, а значит...

Это значит...

Он неожиданно пришел в себя.

Вокруг была тихая полутемная комната, его логово, его надежное убежище.

У него на коленях лежал кинжал, ради которого он уже убил человека и чуть не отдал собственную жизнь.

Но теперь он знал, что этого недостаточно.

Кинжал хотел от него еще чего-то.

Он должен что-то найти, что-то сделать...

Но что?

Штандартен напряженно вгляделся в темноту, стусившуюся вокруг его, чтобы разглядеть то, что скрывалось внутри него, в его собственном мозгу.

Только что он услышал какой-то приказ – но не смог его как следует разобрать.

Чего требует от него кинжал?

Штандартен опустил глаза, вгляделся в тускло светящееся лезвие, в резную рукоятку. От свастики разбегались к краям рукояти какие-то загадочные значки. Эти значки были ему смутно знакомы, он их где-то уже видел...

Может быть, если прочесть эти значки, он поймет, чего требует от него кинжал?

Штандартен знал только одного человека, который мог ему в этом помочь. Этим человеком был Серега Куницын.

Мехмет из последних сил приподнялся в стременах и вгляделся в сгущающуюся темноту. Тропа начала снижаться, впереди виднелся выход из ущелья.

Это уже не играло роли.

Даже если он выбрался из каменной западни – это случилось поздно, слишком поздно.

Он остался один из своего рода, из той ее части, которая по приказу отца отправилась на восток.

Их странствие с самого начала было неудачным. В пустыне они потеряли половину овец, потом на них напали курдские разбойники. С большим трудом от них отбились, но уцелели только десять человек и несколько верблюдов.

Мехмет упорно шел вперед, на восток, во исполнение безжалостной отцовской воли. Пустыня бесконечным ковром лежала перед ними – всегда одинаковая, но бесконечно переменичивая, меняющая цвет тысячу раз на дню, по мере того как солнце карабкалось по небосклону, само утомляясь от своего безжалостного жара.

Ветер пустыни пел им свою тоскливую песню, и припевом этой песни была идущая по следу смерть.

Курды шли по пятам маленького каравана, как волки идут по следам раненого оленя. Мехмет пытался запутать следы, потом повел своих людей через горное ущелье.

Тропа увела их высоко в горы, пришлось бросить верблюдов. Двое воинов сорвались в пропасть, вороной конь Мехмета ослабел от усталости и голода, сбил в кровь ноги на каменистой тропе.

Если прежде, в пустыне, путники мучились от жары и жажды, теперь, в горах, их преследовал беспощадный холод. Только одно было хорошо – курды отстали, потеряв караван среди бесконечного лабиринта горных ущелий.

А потом их застигла снежная буря.

Мехмет завернулся в бурнус из верблюжьей шерсти, лег рядом с верным конем. Вскоре снег замел их с головой – человека и коня...

Так пролежали они несколько часов, пока не стихла буря.

Тогда Мехмет разбросал снег саблей, выбрался из огромного сугроба, огляделся.

Снежный буран неузнаваемо изменил окрестности. Вокруг, сколько хватало глаз, сверкали белые холмы и отроги, под которыми прятались бездонные обрывы и каменные уступы.

И ни одного живого человека. Всех его соплеменников похоронила снежная буря.

Мехмет поднял глаза к небу.

Стоила ли та реликвия, которую перед смертью вручил ему отец, столькож жизней?

А если даже и стоила – все равно он не сможет ее сохранить. Он погибнет в этих горах, и ножны священного кинжала пропадут без возврата в одном из ущелий...

Он запустил руку за пазуху, прикоснулся к свертку, который хранил на груди.

Его верный конь тихо заржал, приподнялся, отряхивая снег, сделал шаг вперед. Мехмет обнял коня за шею, вскочил в седло... нет, конечно, не вскочил, как прежде, – он с трудом взобрался в седло, как беспомощный старик. Голод и холод этого бесплодного горного края сделали его слабым и жалким.

Вороной медленно двинулся по засыпанной снегом тропе...

И вот наконец впереди показался спасительный выход из ущелья, выход из этого безжизненного, бесплодного мира, выход к жизни, к воде, к зелени...

Конь, почувствовав близкое спасение, заржал и пошел немного быстрее, даже попытался перейти на галоп. Мехмет, собрав последние силы, выпрямился в седле...

Но сил больше не осталось. Он покачнулся, в глазах потемнело...

Мехмет пришел в себя от разливающегося по телу животворного тепла.

Он лежал на кошме возле костра, над ним склонился чернобородый человек в косматой шапке, в руке его была пиала с горячей ароматной похлебкой.

Человек сказал что-то на непонятном языке, но Мехмет понял – незнакомец предлагает ему поест.

И он стал есть – жадно глотая похлебку прямо через край пиалы, захлебываясь и обжигаясь.

Человек в мохнатой шапке что-то спрашивал, но Мехмет не отвлекался на такую ерунду – он ел, ел, и силы к нему постепенно возвращались. Только насытившись, он вспомнил о своем коне, спросил своего спасителя. И тот его каким-то непостижимым образом понял – кивнул, проговорил что-то успокаивающее. И вправду – неподалеку раздалось знакомое ржание вороного.

Мехмет прикрыл глаза – теперь ему хотелось спать, спать... однако, прежде чем заснуть, он прикоснулся рукой к своей груди.

Сверток с ножнами был на месте.

Прошел месяц, прежде чем Мехмет полностью восстановил свои силы. Человек в мохнатой шапке, который подобрал его возле выхода из ущелья, принадлежал к племени тюрок, кочевавшему в бескрайних восточных степях. Так же, как родное племя Мехмета, тюрки пасли стада овец, перегоняя их от колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Так же, как родичи

Мехмета, тюрки время от времени грабили торговые караваны, добывая себе дорогое оружие и красивые одежды. Так же, как бедуины западных пустынь, они разводили верблюдов и коней. Только здешние верблюды носили на спине не один, а два горба, а кони были низкорослыми и мохнатыми. Кроме того, кочевые тюрки не познали еще свет Аллаха, милостивого и всемогущего, они поклонялись духам предков и жестокому богу с волчьей головой. На первых порах Мехмету трудно было понять их язык, казавшийся ему грубым и неблагозвучным, как скрип тележных колес и блеянье овец, но он вслушивался в их слова и скоро начал понимать их, а к зиме заговорил.

Зима в здешних местах была непривычно суровой. Мехмет кутался в одежду из волчьих шкур, грелся у костра и с грустью смотрел на запад, туда, где за горами и пустынями лежали его родные места.

По ночам ему снились песчаные барханы, уходящие за горизонт, благодатные оазисы с пальмами и журчащими ручейками.

На первых порах тюрки косо смотрели на пришельца, недобро шептались за его спиной. Но Архан, тот человек в мохнатой шапке, который нашел его в горах, защищал Мехмета, напоминая соплеменникам о священном законе гостеприимства. А к весне все к нему привыкли. Когда же случилась схватка с курдами, Мехмет показал себя настоящим воином, и тюрки окончательно признали его своим.

Дочь Архана, Сары-Кыз, то и дело попадалась на пути Мехмета, поглядывала на него из-под жесткой черной челки, как необъезженная степная кобылица. Весной, когда степь покрывалась алыми маками, Мехмет поехал на дальнее пастбище за отбившимся от табуна конем. Там, в степи, возле реки, извивающейся, как серебряная змея, к нему подъехала Сары-Кыз. Она хлестнула его вороного нагайкой и поскакала прочь. Конь встал на дыбы, обиженно заржал.

– Чего ты хочешь, Сары-Кыз? – спросил Мехмет, справившись с конем и догнав девушку.

– Ты сам знаешь, – ответила та, взглянув из-под челки. – Пришла весна, степь расцвела, но цветение это будет недолгим. Мое цветение будет таким же коротким, как степная весна. Не теряй времени, чужеземец, иначе ты будешь горько сожалеть.

Они вернулись вместе, и Мехмет вошел в шатер Архана как проситель.

Архан заколол десять баранов, и все племя пировало три дня.

Теперь Сары-Кыз жила в шатре Мехмета.

Однажды, когда он поил коней, она нашла сверток, спрятанный в изголовье.

Когда Мехмет вернулся в шатер, Сары-Кыз встретила его у входа и спросила, почему он прячет у себя в изголовье простые ножны, ножны без кинжала, если у ее отца, да и у самого Мехмета много дорогого оружия, отбитого у врагов, отнятого у водителей караванов.

И тогда Мехмет ответил своей жене Сары-Кыз, что эти ножны – великая святыня, которую он хранит по завету своего отца, и когда она, Сары-Кыз, родит ему сына и сын этот станет мужчиной – он передаст эти ножны ему, а тот передаст их своему сыну, и так будет продолжаться столько лет, сколько будет угодно Аллаху, милостивому и всемогущему.

– Да будет так, – ответила Сары-Кыз и погладила свой приподнявшийся живот.

Катя с трудом втиснулась в переполненную маршрутку, проехала два квартала, скособочившись в неудобной позе, после чего выпустила озабоченную старушку у рынка и с облегчением села на освободившееся место.

– Осторожнее! – раздраженно рявкнула девица в норковой курточке и такой короткой юбке, как будто ее и не было вовсе. – Все сапоги истоптала!

– Простите! – вспыхнула Катя. – Я не нарочно...

Девица негодуяще фыркнула, окинула Катю презрительным взглядом и высунула в проход ногу, чтобы исследовать сапог на предмет повреждения. Сгорая от стыда, Катя забилась

в уголок. Девушка была рослая, да еще и сапоги носила на огромных каблуках, так что нога ее протянулась едва ли не по всей длине маршрутки.

– Копыто-то убери! – не выдержал мужичок постарше, сильно попахивающий с утра перегаром. – Не в такси едешь! Нечта в людей сапоги свои пихать!

– Отвали, козел! – деловито ответила девушка. – А не то живо сапогом в рожу пьяную получишь!

Мужичок не растерялся и обозвал девушку непечатными словами. Девушка, ни капли не промедлив, ответила ему в том же духе, да так забористо, что мужичок замолчал, подбирая слова. Тут вмешалась дородная тетя и напустилась на девушку. Та успешно отлаивалась, поворачивая голову в разные стороны.

Скандал разгорелся с ужасающей быстротой, как торфяной пожар, Катя вжалась в спинку сиденья и закрыла глаза. Она не забыла, с каким презрением смотрела на нее рассерженная девушка. И поглядела на себя ее глазами – убогая поношенная куртка, скромный серый беретик, немодные ботинки. И сумку давно пора поменять, и оправу для очков новую заказать... В общем, в глазах таких, как эта девушка, Катя выглядит форменным чучелом.

«Ну и что, – сказала себе Катя. – Алеша любит меня такой, какая я есть».

Она тут же прижала руки к забившемуся сердцу. Впервые она в мыслях сказала это слово – «любит». У них с Алексеем пока не велось разговоров о любви. Он просто приходил в библиотеку и сидел там до закрытия, а потом они с Катей шли гулять по городу. В выходные они выбирались в Эрмитаж или в Русский музей, потом пили кофе в кофейне на Большой Морской – там такие вкусные булочки...

Катя всю жизнь считала, что не любит сладкое, и мама утверждала, что это вредно для здоровья. И кофе она не любила – тот, дешевый, с привкусом картона, который заваривала дома в простом алюминиевом ковшичке. Кофе вредил маминному сердцу, так что со временем Катя вообще перестала его покупать. У них в библиотеке не было заведено после работы пойти в кафе, поболтать с подругами. Сотрудники предпочитали решать проблемы на рабочем месте, а заодно пить чай. Да и некогда было Кате разгуливать по кафе – дома ждала мама, она скучала весь день одна в обществе телевизора и стеллажей с классической литературой и жаждала общения.

Мама проработала в школе больше тридцати лет, но ученики ее не навещали. Никто простой открытки к празднику не присылал, даже к Новому году или на Восьмое марта, а бывшие коллеги даже не звонили. Мама говорила, что это хорошо, что школа вытянула из нее все соки и надоела ей, маме, до зубовного скрежета, но Катя понимала, что так неправильно, что маме все же обидно. Выходит, ученики маму не любили?

Впрочем, разбираться, в чем там дело, Кате было недосуг.

Сейчас Катя усилием воли отогнала грустные мысли о маме. После ее смерти Катя долго чувствовала себя виноватой, ей казалось, что она уделяла маме мало времени, иногда была неласкова, иногда – страшно вспомнить! – раздражалась, в общем-то, по пустякам.

Мама не любила, когда Катя уходила куда-нибудь по вечерам. И в выходные тоже отпускала Катю только по неотложным делам – в магазин или заплатить за квартиру. А иногда так хотелось сходить в кино, в театр, в гости... Да просто вырваться из четырех мрачных стен... Теперь Катя ужасно стыдилась своих мыслей. Нет, конечно, вслух она никогда маме ничего не высказывала, этого еще не хватало. Но помыслы, помыслы, конечно, одолевали!

Тут тоже помог дядька.

«Не дури, – твердил он, – выброси из головы эту ерунду. Тебе ли себя упрекать! И вообще, не копайся в себе, ни к чему хорошему это не приведет. Думай о будущем!»

Кате казалось, что у нее нет никакого будущего. В самом деле, что нового может случиться в ее жизни? Будет все та же работа в библиотеке, все та же квартира, давно требующая ремонта, те же соседи и то же одиночество.

«Не дрейфь, Катюха, прорвемся!» – говорил дядька, и Катя, слыша, как наяву, его громкий смех, настраивалась на лучшее.

Штандартен с Сергеем Куницыным учились когда-то в одном классе. После окончания школы, само собой, пути их разошлись – Куницын поступил на исторический факультет Петербургского университета, а Штандартен, тогда еще просто Леня, пошел по своей кривой и узкой дорожке.

Но через восемь лет на этой дорожке он нос к носу столкнулся с бывшим одноклассником.

Сергея ему неожиданно обрадовался, они зашли в паб, выпили несколько кружек пива, разговорились.

И неожиданно выяснили, что их интересы странным образом пересекаются.

Штандартен с пьяной гордостью рассказал Сергею о своем увлечении мистическими идеями Третьего рейха, идеями превосходства белой расы, арийской расы.

А Сергей сообщил, что после окончания университета занимается именно этим периодом истории – становлением нацистской идеологии – и, как следствие, – историей арийских племен. Он что-то говорил о переселении народов, о древних богах, о рунических надписях... Штандартен плохо понимал, выпитое пиво давало о себе знать, но он понял главное – бывший одноклассник здорово разбирается во всех этих хитрых и интересных вопросах.

К нему-то и следует обратиться, чтобы как можно больше узнать о найденном кинжале.

Наутро Штандартен набрал номер Куницына.

Сначала Сергей отнекивался, говорил, что очень занят, но, когда Леня сказал ему, что хочет показать интересную вещь, подлинный артефакт, связанный с интересующим Куницына историческим периодом, тот заинтересовался и согласился. Он предложил встретиться в том же ирландском пабе, где они выпивали прошлый раз, но Штандартен представил, как показывает заветный кинжал в шумном, многолюдном помещении, где его может увидеть кто угодно, любой неотесанный болван, любой недочеловек, и наотрез отказался. Кинжал требовал тишины и уединения.

Сергея недолго колебался и наконец пригласил бывшего одноклассника к себе домой вечером, после работы.

Куницын жил в однокомнатной квартире в спальном районе на севере города.

Дом был самый простой, панельный, построенный лет тридцать назад, Сергей говорил при первой встрече, что получил эту квартиру в результате обмена после развода с женой. Жили они недолго и плохо, жена была недовольна его работой – денег мало, а сил он отдает той работе много. И времени у него вечно нету с женой куда-нибудь сходить, и на встречах с коллегами разговоры только о науке, она, мол, чувствует там себя полной душой.

– Дура и есть! – вздохнул Сергей тогда, в пабе, выпив порядочное количество пива.

– Да ну их к черту, баб этих! – согласился Штандартен, и больше они на эту тему не говорили.

Лестница была грязноватая, стены давно не крашены, исписаны ненормативной лексикой, лампочки не горели – в общем, обычный подъезд, но, когда Штандартен вошел в квартиру одноклассника, он словно перенесся в другую эпоху.

На письменном столе, на низкой тумбе, на полках валялись доисторические черепки, ржавые железки, наконечники стрел и копий. Тут же попадались и хорошо знакомые самому Штандартену предметы – эсэсовские эмблемы и партийные значки НСДАП, нарукавные повязки со свастикой, нашивки, споротые с офицерских мундиров, и прочие «сувениры» Третьего рейха.

Книжные полки от пола до потолка заполняли толстые тома – на русском, на английском, на немецком. История индоарийских племен, Великое переселение народов... и тут же – истоки нацистской символики, оккультные секты в Германии...

– Хорошо ты устроился! – одобрил Штандартен, оглядев кабинет приятеля.

– Ну, что там у тебя? – нетерпеливо проговорил Куницын, потирая руки.

Штандартен тяжело вздохнул, положил на стол сверток, помедлил, прежде чем развернуть светлую ткань.

Очень уж не хотелось ему показывать этот кинжал кому бы то ни было. Даже школьному приятелю. Хотя, впрочем, они вовсе не были приятелями – так, одноклассниками...

– Ну, что же ты? Показывай! – поторопил его Серега.

Штандартен снова вздохнул и развернул сверток.

– Интересно, интересно! – Серега низко склонился над кинжалом, долго его разглядывал невооруженным взглядом, потом взял из ящика стола старинную лупу в медной оправе, еще несколько минут молча изучал предмет.

Штандартен терпел сколько мог, но наконец не выдержал и нарушил тишину:

– Ну, что скажешь? Это ведь не офицерский кортик, это совсем другое! Может быть, оружие каких-то элитных частей?

– погоди, погоди, – отмахнулся от него Куницын, бросился к шкафу, вытащил с полки толстый том на немецком, принялся его торопливо перелистывать, время от времени искоса поглядывая на кинжал, бормоча что-то под нос.

Штандартену показалось, что в этих взглядах сквозит неодобрение. Он снова заговорил:

– Ты не гляди, Серый, что он такой неказистый! Понятное дело – шестьдесят с лишним лет в земле пролежал!

– Шестьдесят лет? – переспросил Куницын насмешливо. – Ты думаешь, что этот кинжал пролежал в земле шестьдесят лет?

– Ну, немножко побольше! С конца войны уже почти шестьдесят пять прошло, а бои там были раньше...

– Шестьдесят пять! – Куницын хлопнул в ладоши и громко засмеялся. – Ну, уморил!

– Что тебе кажется смешным? – спросил Штандартен, мрачно насупившись.

– Шестьдесят пять лет! – снова повторил Серега, и улыбка сползла с его лица. – Если бы ты сказал – шестьдесят пять веков, это было бы куда ближе к истине!

– Что? – переспросил Штандартен, нервно сглотнув. – Сколько, ты говоришь?

– Ну, так точно я смогу сказать только после тщательного исследования... – протянул Куницын. – Может быть, конечно, не шестьдесят веков, это уж я так сказал, для красного словца, но сорок уж, наверное, будет...

– Сорок веков? – До Штандартена все никак не доходила такая потрясающая цифра. – Это что – выходит, четыре тысячи лет? Ты не шутишь, Серега?

– Приблизительно, конечно, приблизительно! Ты же сам понимаешь, Ленка, – точный возраст без серьезного научного обследования назвать невозможно.

– Так, значит, этот кинжал не немецкий?

– Ну, как тебе сказать... когда выковали этот клинок, на свете еще не существовало таких народов, как немцы или русские, не было даже таких племен, как германцы, или кельты, или славяне... Существовали лишь индоевропейские племена, которым еще только предстояло разделиться на все эти ветви...

– То есть древние арийцы? – сообразил Штандартен, вспомнив знакомое слово.

– Можно сказать и так. Ты же знаешь, что изображенная на рукоятке кинжала свастика – древний и загадочный символ, широко использовавшийся индоевропейскими народами. Первое изображение этого символа найдено на территории нынешней Венгрии, ученые относят его к позднему неолиту...

– Чего? – переспросил Штандартен, у которого от ученых слов заломило зубы.

– К каменному веку, – пояснил Серега. – При раскопках древнего Илиона, или Трои, знаменитый археолог Генрих Шлиман тоже находил каменные плиты с изображением свастики. Интересно, что в тех областях, где жили в древности семитские племена – в Финикии, в верхнем Междуречье, – свастика практически не встречается. Поэтому немецкий археолог Эрнст Краус еще в конце девятнадцатого века создал теорию, что свастика – символ, присущий только народам арийского происхождения.

Теперь Штандартен слушал более внимательно – эта теория была ему отчасти знакома.

– Известный немецкий мистик Гвидо фон Лист считал, что свастика в древности была мистическим символом светлой энергии огня, свойственным для чистой арийской расы. Действительно, следы свастик самой разной формы встречаются в тех местах, где в глубокой древности расселялись племена арийского происхождения. Очень часто встречается символ свастики в Индии, причем именно после вторжения туда племен древних ариев, завоевавших страну и уничтоживших более древнюю цивилизацию долины Инда. В арийской Индии свастика обозначала священный жертвенный огонь, при помощи которого боги сотворили земной мир.

Куницын приосанился, как будто находился на университетской кафедре, и продолжил:

– Само слово «свастика» – древнеиндийского происхождения, на санскрите оно значит «благодатная», или «приносящая благо». В древней индийской культуре она использовалась для обозначения вечного мирового круговорота. Она символизирует одновременно материальный ментальный мир. Четыре ее изгиба соответствуют четырем стихиям, четырем элементам этого мира, а также четырем сторонам света.

Новое значение свастика приобрела с распространением буддизма. На отпечатке ступни Будды в одном из индийских храмов изображено мировое колесо – мандала, и многочисленные изображения креста с загнутыми перекладинами. Иногда такой крест изображали вместе с символом просветления – раскрытым цветком лотоса. Но нас может больше заинтересовать другое: в древнегерманских рукописях левосторонней свастикой обозначается боевой молот бога войны Тора, возвращающийся к своему хозяину после броска, как австралийский бумеранг. Таким образом, крест с загнутыми концами приобретает у древних германцев дополнительный мистический смысл – он обозначает стремительную и грозную светлую силу, воинственную мощь. У древних германских магов и священников – друидов – свастика была священным символом огня и плодородия, поэтому она входила в состав и мирных, и боевых заклинаний...

– Кончай, Серега! – остановил Штандартен одноклассника. – Ты не в институте своем! Перед студентами будешь распинаться. Я про свастику и без тебя много знаю. Ты мне лучше про кинжал расскажи – откуда он взялся и как попал на место боев.

– Как он попал на место боев – я могу только гадать. А гадание на кофейной гуще – не моя специальность. Но скажу тебе, что еще во время Первой мировой войны члены тайных немецких мистических обществ, уходя на фронт, брали с собой амулет со свастикой в качестве оберега. А для того, чтобы узнать больше о происхождении кинжала, мне нужно взять его к себе на работу, изучить его как следует, посоветоваться со знающими людьми...

– Э нет! – вскрикнул Штандартен и накрыл кинжал рукой. – Ишь чего захотел! Кинжал этот мой, и я его никому не отдам!

– Что с тобой? – Куницын удивленно взглянул на него, пожал плечами. – Ты же сам ко мне пришел! Не хочешь – не надо, твое дело, я тебе не навязывался...

– Извини... – Штандартен смутился, убрал руки. – Знаешь, я все-таки не могу дать его тебе с собой.

– Как хочешь. – Куницын отвернулся, – дело твое, хозяин – барин. В таком случае не смею задерживать. У меня, знаешь ли, работы невпроворот...

Он демонстративно придвинул стул к письменному столу и плотно на него уселся, сразу было видно, что человек настроился на серьезную, долгую работу.

Штандартен поглядел сверху на тонкую Серегину шею, выглядывающую из воротника рубашки, и ему вдруг захотелось схватить эту шею и давить, давить изо всех сил. Серега начнет хрипеть и задыхаться, дрыгать ногами, все эти черепки и старые железки будут сыпаться вокруг, разваливаясь на куски, но Штандартен будет сжимать и сжимать руки у него на горле, и, в конце концов, его бывший одноклассник перестанет трепыхаться и затихнет. А он, Штандартен, возьмет кинжал и спокойно уйдет.

– Ты еще здесь? – холодно осведомился Куницын, не поворачивая головы.

Штандартен опомнился. Серега прав, он сам пришел, чтобы узнать про кинжал нечто важное. Сказал «А» – надо говорить «Б»! Придется оставить кинжал Куницыну.

– Ладно, – нехотя сказал Штандартен, – только на один день. Завтра зайду!

И вышел, решительно печата шаг, чтобы не передумать.

– Господин, зайди к нам! – Из душной темноты выглянул хромой старик с завитой, выкрашенной хной бородой. – Зайди к нам, у нас самые лучшие девочки во всей Александрии! Жаркие, как знойный день, сладкие, как персик! Зайди к нам, господин, не пожалеешь! Ты познаешь райское блаженство, господин!

В доказательство его слов за спиной старика появилась толстая неопрятная женщина, увешанная серебряными украшениями, как рождественская ель игрушками, нагло и зазывно улыбнулась, облизнула полные развратные губы.

– Долго еще? – осведомился Рудольф, неприязненно покосившись на своего провожатого, смуглого, худощавого еврея в поношенном белом костюме. – Ты говорил мне, что это близко, а мы уже третий час шатаемся по этому базару!

– Совсем близко, господин барон, совсем близко! – заверил его провожатый, угодливо кланяясь. – Самуил вас приведет в удивительное место! Это – настоящая сокровищница, господин барон! Пещера, полная сокровищ!

Рудольф невольно поморщился. Что делает он на этом восточном базаре, среди шума и гомона на двадцати языках? Он, Рудольф фон Зеботтендорф, барон фон дер Роза, потомок славного немецкого рода, более тысячи лет служившего королям и владетельным князьям своим верным мечом и храбрым сердцем?

Блеяние коз и овец, ржание лошадей, хриплые крики верблюдов смешивались с зазывными голосами торговцев и проституток, гадалок и предсказателей судьбы, нищих попрошаек и ярмарочных шарлатанов. От запахов пота и благовоний, острых приправ и крепкого турецкого табака у барона кружилась голова.

Что он делает здесь?

Да то же самое, что делает уже не первый год в больших городах и жалких селеньях Востока, – разыскивает следы древнего знания, по крупнице разбросанные и в тихих медресе, и на таких шумных и грязных базарах...

– Еще несколько минут, всего несколько минут, господин барон! – повторил Самуил, заглядывая в глаза богатому господину. – Потерпите еще немного!

– Зайди к нам, господин! – Из очередной лавки выглянул беззубый мужчина самого зверского вида. – У нас – самый чистый гашиш! Ты познаешь райское блаженство, господин!

«Все они обещают райское блаженство, – подумал барон раздраженно. – Все эти грязные, шумные, наглые, бессовестные торговцы наслаждениями, все эти беспутные дети Востока. Все они обещают неземное блаженство – но дают взамен дурные болезни, безумие и нищету. Нет, куда благороднее нордический характер, холодный и бесстрастный, как реки Севера...»

– Вот мы и пришли, господин барон! – прервал Самуил его раздумья. – Вот она, эта лавка!

На первый взгляд лавчонка, куда привел его Самуил, ничем не отличалась от десятков и сотен других, мимо которых они прошли не задерживаясь.

На пороге двое длиннобородых стариков невозмутимо играли в нарды, не обращая внимания на рыночную суету, на протекающую мимо праздную и озабоченную толпу. Один из стариков был одноглазым – во всяком случае, узкая повязка из черного шелка закрывала его левый глаз. Зато правый живо и внимательно посматривал по сторонам, и от него ничто не укрывалось.

«Наверняка мошенник Самуил привел меня в эту лавку только потому, что хозяин платит ему процент! – неприязненно подумал барон, входя в душное и тесное помещение. – Впрочем, раз уж пришли, придется потратить еще несколько минут на созерцание дешевого хлама!»

И впрямь лавка ничем не отличалась от прочих. В углу грудой свалены потертые молитвенные коврики, позеленевшие от времени медные светильники громоздятся неустойчивой горой, то и дело грозящей рассыпаться, глиняные кувшины и чаши, верблюжсья сбруя и яркие ткани валяются вперемежку с разукрашенным оружием и старинными кальянами.

На первых порах барона развлекали такие лавчонки. Ему казалось, что среди этого пестрого барахла можно найти что-то поистине интересное, что между медными светильниками скрывается волшебная лампа Аладдина, а один из молитвенных ковриков помнит про рока Мохаммеда.

Но он много лет путешествовал по странам Востока и давно уже понял, что весь этот яркий, мишурный блеск – лишь обратная сторона грязи и нищеты, а подлинные находки редки, как истинные человеческие добродетели.

– Не правда ли, господин, это настоящая сокровищница? – бормотал Самуил, подсовывая ему какую-то треснувшую чашу. – Настоящая пещера Али-Бабы!

Одноглазый старик поднялся, подошел к Самуилу, что-то проговорил раздраженно на незнакомом барону языке. Какой же это язык? Рудольф свободно владел арабским и турецким, неплохо понимал древнееврейский и персидский, но это был совсем другой язык... может быть, коптский или ассирийский?

– Спроси торговца, нет ли у него каких-нибудь старинных книг или манускриптов! – потребовал барон, повернувшись к Самуилу.

Провожатый снова заговорил на незнакомом языке, говорил долго и убедительно, энергично жестикулируя. Лавочник отвернулся, открыл резной шкафчик и достал оттуда толстую книгу в черном кожаном переплете, показал барону.

– Большая редкость, господин барон! – суетливо забормотал Самуил. – Древняя книга об искусстве магии! Автор ее – сам царь Соломон, да пребудет мир с ним на вечные времена! В этой книге собраны священные тайны Древнего Востока!

– Что ты врешь, – на этот раз барон всерьез рассердился на своего проводника. – Что я, по-твоему, читать не умею? – Он ткнул пальцем в титульный лист, где было написано, что это всего лишь Ветхий Завет, отпечатанный в Варшаве в тысяча восемьсот двадцатом году с дозволения Священного синода.

– Простите бедного еврея, – заюлил Самуил. – Я ошибся, перепутал эту книгу совсем с другой!

– Зачем ты привел меня сюда? – выпалил барон раздраженно. – Я потратил столько времени только для того, чтобы увидеть грязную лавчонку, ничуть не отличающуюся от сотен таких же? Лавчонку, в которой нет ничего, кроме дешевого барахла, пригодного только для нищих дураков?

Лавочник, который невозмутимо следил за их перебранкой своим единственным глазом, отошел в глубину лавки, порывлся среди медной посуды и дешевых талисманов, какие любят покупать на счастье погонщики верблюжьих караванов, и извлек какой-то продолговатый предмет, завернутый в кусок серой холстины. Повернувшись к барону, он неторопливо развернул ткань.

В руках у него был кинжал.

Благородная форма лезвия, напоминающего узкий древесный лист с глубокой прожилкой посередине, говорила о несомненной древности и благородстве этого оружия. Барон внезапно почувствовал странное волнение. Он протянул руку, взял кинжал. Лавочник, казалось, отдавал его с явной неохотой.

Барон провел пальцем по лезвию, внимательно рассмотрел массивную рукоять.

В центре ее располагался древний, священный знак свастики – знак, который барон фон Зеботтендорф то и дело встречал в своих многолетних поисках, знак, который оставляли на своем пути войны и путешественники древнего арийского племени.

Но еще интереснее были значки и узоры, располагавшиеся вокруг свастики. Барон узнал в них священные рунические письмена, письмена древних ариев...

– Спроси лавочника, сколько он хочет за этот кинжал, – обратился барон к Самуилу, стараясь скрыть от того охватившее его волнение.

Самуил повернулся к одноглазому, проговорил что-то на том же незнакомом языке. Лавочник неожиданно побледнел, замахал руками и заговорил громко, резко, недовольно.

– Извините, господин барон. – Самуил выглядел смущенным. – Он отказывается продать кинжал...

– Что значит – отказывается? – Зеботтендорф сверкнул глазами. – Я тащился сюда по жаре, тратил свое драгоценное время, и когда наконец нашел что-то достойное внимания – он отказывается! Скажи ему, Самуил, что с такими людьми, как я, нельзя обращаться как с нищими погонщиками верблюдов! Ты отлично знаешь, кто я такой! Знаешь, что я близко знаком с Сулейман-пашой...

– Одну минутку, милостивый господин! – Самуил взглянул на барона с той смесью угодливости и фамильярности, которая того особенно раздражала в провожатом.

Повернувшись к одноглазому, Самуил заговорил на том же непонятном Рудольфу языке. Он говорил долго, убедительно, размахивал руками, но, похоже, так и не смог ничего добиться.

Барон, которому изрядно надоело слушать непонятный разговор, надоело торчать в душной полутьме лавки, достал свой серебряный портсигар, открыл его, закурил тонкую ароматную египетскую папиросу.

Не сразу до него дошло, что спор на незнакомом языке прекратился, Самуил и одноглазый лавочник молчат, не сводя глаз с него, точнее – с его портсигара.

– В чем дело? – недовольно осведомился Рудольф, выдохнув ароматный дым.

Одноглазый что-то быстро проговорил и поклонился, сложив руки в покорном и униженном жесте.

Проследив за его взглядом, барон понял, что лавочник смотрит на герб общества «Туле», выгравированный на портсигаре, – кинжал, переплетенный дубовыми ветками, на фоне свастики с закругленными концами...

Только теперь Рудольф фон Зеботтендорф понял, что кинжал на гербе удивительно похож на тот, что лежал перед ним на куске выцветшего холста.

Барон Рудольф фон Зеботтендорф сам стоял у истоков тайного общества «Туле». Эта тайная организация восприняла сокровенные учения Востока и создала на их основе мистическую теорию, в центре которой была идея о главенстве нордической расы. Общество «Туле» представляло собой что-то вроде тайного монашеского ордена, во главе которого стояли верные приверженцы расовых идей и остающиеся в тени мистики и маги. Создавая герб обще-

ства, барон изучил множество старинных манускриптов и наконец выделил символ свастики, издавна использовавшийся арийцами, а также священный кинжал древнего рода королей-священников Адлер-Велиготов.

– В чем дело? – повторил барон, пристально глядя на одноглазого и медленно убирая в карман портсигар.

– Он согласен, милостивый господин! – сообщил, угодливо кланяясь, Самуил. – Он согласен продать тебе этот кинжал за... – еврей на мгновение замялся, – за двести марок!

– Немалые деньги! – проговорил барон, но тут же полез за бумажником: удивительный кинжал слишком заинтересовал его, чтобы упустить такую сделку.

– Этот человек лжет! – воскликнул вдруг одноглазый на чистейшем арабском языке. – Я не продаю священный кинжал, я дарю его тебе, господин!

– Это недоразумение... – засмущался Самуил. – Я не понял его слов... я не очень хорошо говорю на этом языке...

– Спасибо, – барон внимательно, как впервые, посмотрел на одноглазого и отметил благородство его черт и выправку прирожденного воина. – Скажите, друг мой, как вас зовут и на каком языке вы разговаривали с моим жуликоватым проводником? Я знаю много восточных языков, но этот мне незнаком...

Одноглазый снова воскликнул что-то на том же непонятном наречии и показал рукой за спину барона. Рудольф инстинктивно оглянулся, однако не увидел ничего примечательного. Он снова повернулся к странному торговцу...

Но того и след простыл, только в глубине лавки качался потревоженный ковер, закрывавший, по-видимому, потайной выход из этого заведения.

– Пойдемте отсюда, милостивый господин! – заторопил его Самуил и даже осмелился схватить Рудольфа за рукав. – Это нехорошее место, здесь неспокойно!

– Кто этот человек? – осведомился барон, вслед за провожатым выходя из лавки. – Почему он сбежал?

– Должно быть, жулик! – заверил его Самуил. – Здешние торговцы все жулики. Должно быть, он понял, что милостивый господин раскусил его хитрости, и решил сбежать, прежде чем вы пожалуетесь Сулейман-паше...

– Жулик? – удивленно переспросил барон. – Но ведь он подарил мне кинжал, не взяв с меня ни пфеннига... это ты, милейший, хотел на этом подзаработать...

– Чего вы хотите, милостивый господин? – заныл Самуил. – Мне нужно кормить многочисленных детей...

– Пустое! – пренебрежительно отмахнулся барон. – Я на тебя нисколько не сержусь. Скажи мне только, на каком языке ты с ним разговаривал?

– На каком языке? – переспросил Самуил, пряча глаза. – Бог его знает, что это за язык! Мне так часто приходится разговаривать с разными людьми, чтобы заработать лишнюю копейку на хлеб для своих детей, что я научился понимать всех, кто встречается на улицах этого города, – и ливийских разбойников, и амхарских пастухов, и сирийских торговцев пряностями...

– Ты что-то темнишь, Самуил! – недовольно проговорил барон. – Берегись, я могу, в конце концов, рассердиться!

– Воля ваша, милостивый господин, только больше я ничего не могу вам сказать! Я и так сказал слишком много!

У Рудольфа фон Зеботтендорфа внезапно закружилась голова. Все звуки огромного города слились в странную, пугающую, варварскую музыку. Ему вдруг показалось, что сегодняшняя встреча с одноглазым лавочником приснилась ему или привиделась в наркотическом бреду в одном из здешних притонов. Однако боковой карман его френча оттягивала холодная тяжесть удивительного кинжала, доказывая реальность всего происшедшего...

Катя опоздала на десять минут и, разумеется, вешая куртку в закутке, отгороженном стеллажами с журналами, столкнулась с заведующей библиотекой Кирой Леонидовной.

Бежать было поздно, Кира прекрасно видела, что Катя запыхавшаяся и растрепанная.

– Екатерина Дмитриевна, доброе утро! – сказала Кира. – Вас не затруднит заменить сегодня Черевичкину в читальном зале? У нее карантин в школе, ребенка не с кем оставить...

– Но у меня... – начала было Катя.

Она хотела сказать, что у нее куча работы, нужно разобрать новые поступления. К тому же звонили из филиала, что-то у них там стряслось, пропадают книги, не пришлось бы ехать на другой конец города, если сами не разберутся. Да еще из области собирались приехать, из подшефной библиотеки, у них недавно случился пожар, и теперь катастрофическое положение с учебной литературой. Катя обещала помочь и даже отобрала уже кое-что, но не все, а тамошняя заведующая с трудом дозвонилась до нее вчера вечером и сказала, что приедет не на следующей неделе, как собиралась, а завтра, то есть уже сегодня. Потому что пойдет в город машина и может захватить книги, а без машины-то, сами понимаете, сколько она на себе унесет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.